Pδ 15/1715

№ 107
33
Р 15
Б 1715

Современная Библіотека.

Н. Мировичъ.

Очерки изъ исторіи великой французской революціи.

Цѣна 10 коп.

Шарлотта Кордэ.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Современная Библіотека.

P 15
1715

Н. Мировичъ.

Очерки изъ исторіи великой французской революціи.

Шарлотта Кордэ.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 іюля 1905 г.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
92790-48

2020125906

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1906.

Шарлотта Кордэ.

Шарлотта Кордэ.

Шарлотта Кордэ.

Біографическій очеркъ П. Мірвичъ.

I.

Дѣтство Шарлотты Кордэ. — Характерныя черты. — Первые годы юности. — Увлеченіе республиканскими идеями. — Встрѣча съ Барбару и другими жирондистами. — Проектъ спасенія Франціи посредствомъ убійства Марата.

Жизнеописаніе Шарлотты Кордэ представляетъ особыя черты, затрудняющія изслѣдователя. Прежде всего о ней сохранилось весьма мало историческихъ данныхъ. Она появляется на сценѣ исторіи подобно метеору, и также быстро исчезаетъ отъ ослѣпленныхъ взоровъ зрителя. Весь духовный образъ ея облеченъ таинственностью, дѣлающей ее еще болѣе неотразимо привлекательной; и на этомъ туманномъ фонѣ особенно рельефно выдѣляются строгія, классическія черты ея внѣшняго облика.

Всѣмъ болѣе или менѣе знакомы эти черты. Правильный овалъ лица, обрамленный ниспадающими локонами густыхъ, темныхъ волосъ; большіе выразительные глаза, оттѣненные длинными рѣсницами и темными бровями; прямой греческій носъ; небольшой ротъ, на углахъ котораго легла характерная линія, выражающая кротость и въ то же время непреклонную волю. Но поразительнѣе всего въ этомъ прекрасномъ лицѣ были глаза: глубокіе, вдумчивые, съ выраженіемъ безконечной доброты и грусти. Какъ будто глаза эти на зарѣ восходящей молодой жизни уже предвидѣли событія будущихъ временъ и ожидавшую ее трагическую судьбу. «Очи чудныя, — говоритъ современникъ, видѣвшій ее лишь мелькомъ въ предсмертный часъ, — очи, которыя могли бы растрогать скалы. Безконечно глубокъ былъ взглядъ этихъ прекрасныхъ глазъ».

По происхожденію Шарлотта Кордэ вышла изъ нѣдръ старой Франціи, изъ Нормандіи, гдѣ глубоко вкоренились старинныя аристократическія традиціи. Подобно Жаннѣ д'Аркъ, она съ дѣтства чувствовала мало общаго съ окружающимъ реальнымъ міромъ; жила въ мірѣ фантазій, витая въ области героической древности, гдѣ все рисовалось передъ ней въ грандіозныхъ, величественныхъ образахъ. Подобно Жаннѣ д'Аркъ, она мечтала пожертвовать собой для отечества; всецѣло жила ради этой идеи, отстраняя отъ себя всякіе помыслы о личномъ счастьѣ, и, подобно ей, погибла въ расцвѣтѣ жизненныхъ силъ.

Марія-Шарлотта Кордэ д'Армонъ родилась 27 іюня 1768 г. въ Нормандіи, въ коммунѣ Линьеръ. Семья ея принадлежала къ обѣднѣвшему аристократическому роду, пользовавшемуся всеобщимъ почетомъ. По женской линіи она происходила отъ Корнеля. Раннее дѣтство она провела въ семьѣ, состоявшей изъ г. и г-жи д'Армонъ, двухъ сыновей и трехъ дочерей, изъ которыхъ Шарлотта была второй. Окружавшая ее обстановка была скромная, почти бѣдная. Еще въ 1793 году современники вспоминали, какъ маленькая Марія-Шарлотта, одѣтая въ простое ситцевое платье, съ распущенными волосами, играла близъ родительскаго дома, подъ сѣнью окаймлявшихъ почтовую дорогу старыхъ яблонь. Домъ этотъ былъ покрытъ соломенной крышей, какъ большинство маленькихъ нормандскихъ фермъ; при домѣ былъ дворъ, окруженный стѣной изъ плюща, съ нѣсколькими деревьями и колодцемъ посреди двора.

По смерти своей жены, въ 1782 году, г. д'Армонъ отдалъ 12-лѣтнюю Шарлотту на воспитаніе г-жѣ Бельзенсъ, настоятельницѣ въ монастырѣ Abbaye aux Dames, въ городѣ Кашѣ. Расположенное на склонѣ холма, аббатство носило суровый, англо-нормандскій характеръ. Кругомъ разстилался обширный садъ и огородъ. По угламъ ограды возвышались башни; мѣстами виднѣлись часовни.

Первоначальное духовное развитіе Шарлотты во многомъ напоминаетъ другую героиню конца XVIII вѣка. Такъ же, какъ г-жа Роланъ, она сначала страстно увлекается религіозно-созерцательной стороной жизни; затѣмъ отъ религіи бросается въ противоположную область философскихъ доктринъ, мало согласовавшихся съ христіанскими принципами. «Исторія Греціи» и «Философская исторія обѣихъ Индій» аббата Рейналя, «Общественный договоръ» и «Исповѣдь» Ж.-Ж. Руссо — вотъ настольныя книги Шарлотты въ возрастѣ 10—12 лѣтъ. И замѣчательный фактъ, опять-таки сближающій ее съ г-жой Роланъ: Шарлотта почерпаетъ изъ этой умственной пищи лишь свой-

ственные ея природѣ элементы, отбрасывая все грубое, циничное — все то, что наиболѣе привлекало въ этихъ произведеніяхъ ея современниковъ. И Рейналь и Руссо способствовали развитію въ ней стоическихъ идеаловъ, гуманныхъ чувствъ и стремленій. Съ ранняго дѣтства слово «отечество» облекается для нея свѣтлымъ ореоломъ, отстраняя отъ нея все личное, мелкое, будничное. Характеръ маленькой воспитанницы монастыря, — твердый, энергичный, закаленный — привлекалъ вниманіе всѣхъ окружающихъ. «Эта дѣвочка, — говорила о ней г-жа Понтекуланъ, — безпощадна къ самой себѣ; никогда не жалуется она на страданія, и надо угадать, что она больна, — такъ твердо переноситъ она самую сильную боль».

Мы имѣемъ лишь немного свѣдѣній о юности Шарлотты Кордэ. По отзывамъ современниковъ, Шарлотта въ возрастѣ 16—20 лѣтъ, такъ же мало походила на окружающихъ, какъ и въ дѣтствѣ. Имѣя всѣ данныя, чтобы нравиться и внушать любовь, она держалась особнякомъ, чуждая всякимъ юнымъ увлеченіямъ, равнодушная къ молодежи. Такъ отзывались о ней современники; и отзывы знавшихъ ее лицъ единодушно опровергаютъ позднѣйшія клеветы ея враговъ. Извѣстно, что политическую ея роль пытались объяснить, одни — местью за погибшаго въ революціи молодого виконта Бельзенса, другіе — местью за жирондиста Барбару. «Оба утвержденія, — говоритъ, между прочимъ, г-жа Мароммъ, близко знавшая Шарлотту Кордэ, — равно ложны и нелѣпы. Ни одинъ мужчина никогда не произвелъ на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія; мысли ея витали совсѣмъ въ иной сферѣ. Къ тому же я утверждаю, что она менѣе всего думала о бракѣ. Она отвергла нѣсколько прекрасныхъ партій и объявила о своемъ твердомъ рѣшеніи никогда не выходить замужъ».

Холодная и спокойная въ чувственномъ отношеніи, Шарлотта страстно увлекалась сочиненіями Плутарха, Боссюэта и Корнеля, ея предка. «Все для отечества», — таковъ былъ ея девизъ, заимствованный у Корнеля. Чувства эти и мысли переносили ее отъ созерцательнаго настроенія въ экзальтацію, увлекавшую ее далеко отъ окружающаго міра. По свидѣтельству современниковъ, Шарлотта говорила мало, думала много; когда съ ней заговаривали,—случалось, она вздрагивала, какъ бы очнувшись отъ сновидѣнія.

Выдѣляясь изъ окружающей среды, она была въ то же время и дочерью своего вѣка. Современная эпоха находила откликъ въ духовномъ строѣ ея внутренняго міра. То было время сильныхъ порывовъ и бурныхъ страстей, когда на исторической авансценѣ

смѣняли другъ друга личности выдающихся своимъ характера, герои и злодѣи, когда величайшія проявленія человѣческой добродѣтели чередовались съ величайшими злодѣяніями. Приближалась великая революція 1789 года. Отецъ Шарлотты, г. Кордэ д'Армонъ, съ увлеченіемъ воспринялъ новыя идеи и въ провинціальномъ собраніи (гдѣ онъ участвовалъ въ качествѣ администратора прихода) требовалъ реформы законовъ и всего феодальнаго режима въ духѣ новаго времени. Но при этомъ онъ оставался вѣренъ конституціонной монархіи. Не такъ его дочь: отдавшись новому теченію со всей свойственной ей страстностью, она рѣшительно стала на сторону республиканскихъ идей. Но и здѣсь она не слилась съ окружающей средой. Революціонное теченіе не поколебало ея религіозныхъ принциповъ. Начавшіяся противъ Церкви гоненія возбуждали въ ней глубокое негодованіе. Политическій ея катихизисъ мирно уживался съ прежнимъ религіознымъ міросозерцаніемъ. Такимъ образомъ, Шарлотта сразу заняла исключительное положеніе, не примкнувъ ни къ партіи монархической ни къ партіи антиклерикальной: *ставъ республиканкой, она осталась католичкой*.

Между тѣмъ политическій горизонтъ постепенно заволакивался тучами. Начались гоненія на духовенство и на Церковь; декретомъ 13 февраля 1790 г. закрылись монастыри. Постановленіе это непосредственно отразилось и на судьбѣ Шарлотты Кордэ. По закрытіи монастыря Abbaye aux Dames обѣ сестры Кордэ, лишившись пріютившаго ихъ убѣжища, должны были вернуться къ отцу въ Аржентонъ. Здѣсь Шарлотта оставалась недолго. Матеріальное положеніе г. Кордэ сильно поколебалось послѣ эмиграціи старшаго сына: средствъ для всѣхъ недоставало. Въ іюлѣ 1792 г. Шарлотта вновь покинула родительскій кровъ и отправилась въ Каэнъ къ своей старой тетушкѣ, г-жѣ Бреттевиль. Здѣсь она встрѣтила сначала весьма холодный пріемъ. Г-жа Бреттевиль давно потеряла изъ виду своихъ родныхъ и, не сразу признавъ Шарлотту своей племянницей, приняла ее за самозванку. Въ смятеніи и страхѣ она отправилась къ своимъ сосѣдямъ, къ семьѣ Левальянъ. Разсказавъ о появленіи у себя незнакомой молодой дѣвушки, она просила m-lle Левальянъ дознаться, кто она и что ей именно нужно? «Она ничего не говоритъ,—замѣтила г-жа Бреттевиль, — задумчива и замкнута въ себѣ; какія-то мысли поглощаютъ ее; не знаю почему, но она меня пугаетъ, точно замышляетъ что-то недоброе». Это недовѣрчивое отношеніе длилось весьма недолго. Вскорѣ Шарлотта сблизилась и съ тетушкой и съ семьей Левальянъ, приходившейся ей тоже сродни: всѣхъ она очаровала качествами ума и сердца. «Я не

могу больше жить безъ нея, — говорила г-жа Бреттевиль. — Въ ней какая-то чарующая смѣсь энергіи и кротости. Это сама доброта въ соединеніи съ правдивостью и тактомъ».

Г-жа Бреттевиль вела весьма замкнутый образъ жизни. Кромѣ г-жи Левальянъ, она часто видалась лишь съ жившей поблизости семьей маркиза Фодоа. Сблизившись съ дочерью маркиза, Элеонорой, Шарлотта часто посѣщала сосѣдей, хотя не раздѣляла ихъ политическихъ взглядовъ. Семья Фодоа держалась роялистскихъ принциповъ; Шарлотта была ярой республиканкой. Она страстно увлекалась, говоря о героиняхъ древности: о матери Гракховъ, о Порціи, Корнеліи и др. «Прекрасныя времена древности, — воскликнула она однажды (разговоръ зашелъ о революціи), — воспроизводятъ образъ великихъ республикъ! Герои тѣхъ временъ не были людьми пошлыми, какъ наши современники; они стремились къ свободѣ и независимости. Все для отечества, для одного отечества!» — «Но, — возразила г-жа Левальянъ, — послушать тебя, — подумаешь, что ты республиканка?» — «Почему бы и нѣтъ? Если бы только французы были достойны республики!» — «Что ты! А короли, эти избранники Бога, — развѣ ты ихъ отвергаешь?» — «Короли, — возразила Шарлотта, — созданы для народовъ, а не народы для королей». Къ этой же эпохѣ относится слѣдующій разговоръ, бросающій извѣстную окраску на политическіе взгляды Шарлотты Кордэ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ поселенія ея у тетушки, отецъ ея заѣхалъ повидаться съ ней въ Канкъ. Онъ провожалъ въ Кобленцъ старшаго сына, эмигрировавшаго вмѣстѣ съ г. Турнели, племянникомъ г-жи Бреттевиль. По этому случаю г-жа Бреттевиль устроила прощальный обѣдъ, пригласивъ и своихъ друзей, семью Левальянъ. Послѣдніе, опасаясь начинавшихся въ Канкѣ волненій, собирались переселиться въ Руанъ, городъ, извѣстный своей крайней умѣренностью. Начало обѣда прошло весело и оживленно. Высказывались надежды скораго освобожденія Франціи федератами и возвращенія эмигрантовъ. Но когда къ концу обѣда г. Турнели поднялъ тостъ за короля, семейное торжество омрачилось набѣжавшей тучкой. Въ ту минуту, когда всѣ встали, чокаясь за здоровье Людовика XVI, Шарлотта не встала и не подняла бокала. Г. Кордэ не могъ сдержать гнѣвнаго движенія, а сосѣдка Шарлотты вполголоса спросила: «Почему же ты отказываешься пить за здоровье короля, такого хорошаго, добродѣтельнаго?» — «Я вѣрю, что онъ добродѣтеленъ, — отвѣчала Шарлотта, — но слабый король не можетъ быть хорошимъ королемъ; онъ не можетъ предотвратить несчастья своего народа».

Взгляды Шарлотты — отрицаніе тиранніи и признаніе лишь понятій свободы и отечества — развиваются отчасти въ двухъ относящихся къ тому же времени письмахъ ея къ м-ле Левальянъ. Съ возмущеніемъ описывая взрывы народнаго фанатизма, обрушившіеся на духовенство и на приверженцевъ монархіи, она говоритъ: «Мой братъ [1]) уѣхалъ на-днихъ, увеличивъ собой число странствующихъ рыцарей; быть-можетъ, они встрѣтятъ по дорогѣ вѣтряныя мельницы. Я не думаю, какъ наши знаменитые аристократы, что имъ удастся безъ боя побѣдоносно вступить во Францію, тѣмъ болѣе, что нація располагаетъ могущественнымъ войскомъ... Какая участь ожидаетъ насъ? Ужасающій деспотизмъ; если же удастся вновь поработить народъ, мы попадемъ изъ Харибды въ Сциллу».

Въ апрѣлѣ 1792 года, въ Версонѣ, деревнѣ близъ Каннъ, поднялись волненія, вызванныя отказомъ мѣстнаго кюрэ принести конституціонную присягу. Большая часть мѣстныхъ жителей приняла его сторону, между тѣмъ какъ мятежное, буйное меньшинство обратилось съ воззваніемъ къ патріотамъ. Національная гвардія Каннъ явилась съ двумя пушками. Волненія приняли тогда серьезный характеръ, и только вмѣшательство директоріи департамента предотвратило страшныя кровопролитія. Шарлотта Кордэ пишетъ около этого времени: «Вы спрашиваете, что случилось въ Версонѣ [2]) (письмо 2 мая 1792 г.). Совершились возмутительныя насилія: пятьдесятъ человѣкъ убиты, избиты; женщины изнасилованы... Кюрэ успѣлъ спастись, бросивъ по дорогѣ покойника, котораго везли хоронить... Приходъ тотчасъ преобразился въ клубъ; праздновали новообращенныхъ, которые выдали бы своего кюрэ, если бъ онъ къ нимъ вернулся. Вы знаете народъ—его можно измѣнить въ одинъ день. Отъ ненависти легко переходитъ онъ къ любви... Я во всѣхъ отношеніяхъ была бы рада, если бъ мы поселились въ вашей мѣстности, тѣмъ болѣе, что въ близкомъ будущемъ намъ грозятъ возстаніемъ. Умирать приходится лишь разъ въ жизни, и въ нашемъ ужасномъ положеніи меня успокоиваетъ мысль, что никто, теряя меня, ничего не потеряетъ». Въ другомъ письмѣ, безъ даты и адреса, она говоритъ [3]): «Упреки, которые дѣлаетъ мнѣ г. д'Армонъ и вы, другъ мой, очень меня огорчаютъ,—мои чувства совсѣмъ иныя. Вы—роялистка, какъ

[1]) Эмигрировавшій въ Коблепцъ.
[2]) Деревня близъ Каннъ.
[3]) Неизданное письмо Шарлотты Кордэ, появившееся въ «Gazette des Abonnés» 19 апрѣля 1866 г.

тѣ, что окружаютъ васъ; у меня нѣтъ ненависти къ нашему королю, — напротивъ того, потому что у него хорошія намѣренія; но, какъ вы сами сказали, адъ полонъ добрыхъ намѣреній и, тѣмъ не менѣе, не перестаетъ быть адомъ. Зло, причиняемое намъ Людовикомъ XVI, слишкомъ велико... Его слабость составляетъ и его и наше несчастье. Мнѣ кажется, стоитъ ему только пожелать,—онъ былъ бы самымъ счастливымъ королемъ, царствующимъ надъ любимымъ народомъ, который обожалъ бы его и съ радостью бы видѣлъ, что онъ сопротивляется дурнымъ внушеніямъ дворянства... Ибо вѣдь это правда — дворянство не хочетъ свободы, которая одна можетъ дать народу спокойствіе и счастье. Вмѣсто того мы видимъ, что король нашъ сопротивляется всѣмъ совѣтамъ добрыхъ патріотовъ, и сколько отъ этого бѣдствій? А предстоятъ еще большія бѣдствія, — послѣ всего, что мы видѣли, нельзя уже питать иллюзій. Вспомните, что произошло въ Римѣ во времена Тарквинія. Не король былъ причиной ниспровергшей его революціи, а его племянникъ. То же самое во Франціи. Говорю вамъ, друзья погубятъ короля, такъ какъ онъ не имѣетъ смѣлости отстранить своихъ дурныхъ совѣтниковъ... Все указываетъ намъ, что мы приближаемся къ страшной катастрофѣ... И можно ли послѣ этого любить Людовика XVI?.. Его жалѣютъ, и я его жалѣю, но не думаю, чтобы такой король могъ составить счастье своего народа»...

Предсказанія эти вскорѣ должны были оправдаться. Событія шли ускореннымъ темпомъ: гроза надвигалась. Въ провинціи царствовали междоусобія. Въ Парижѣ, въ Конвентѣ, завязалась упорная борьба между либералами и террористами—между партіями Жиронды и Горы. Въ декабрѣ 1792 года король былъ преданъ суду и казненъ 21 января 1793 г. Отношенія между Жирондой и Горой послѣ этого еще болѣе обострились: обѣ партіи обвиняли другъ друга въ тайномъ роялизмѣ и стремленіи къ диктатурѣ; при этомъ перевѣсъ все больше склонялся на сторону монтаньяровъ, больше сплоченныхъ и неразборчивыхъ въ средствахъ.

Около этого времени, 28 января 1793 года, Шарлотта Кордэ пишетъ своей знакомой, м-ль Дю-Файо: «Вы знаете ужасную вѣсть [1]), дорогая Роза, — сердце ваше такъ же, какъ мое, содрогнулось отъ негодованія. Итакъ, наша бѣдная Франція въ рукахъ людей, принесшихъ намъ столько зла. Я содрогаюсь отъ ужаса и негодованія. Будущее, подготовленное подобными

[1]) Вѣсть о казни Людовика XVI.

событіями, грозитъ самымъ ужаснымъ, что только можно себѣ представить. Ясно, что ничего худшаго не могло случиться. Я почти завидую судьбѣ покинувшихъ отечество родныхъ, — такъ мало надѣюсь я на возвращеніе того спокойствія, о которомъ я еще недавно мечтала. Всѣ эти люди, обѣщавшіе намъ свободу, убили ее: это палачи — и только. Прольемъ слезы надъ судьбой нашей бѣдной Франціи... Всѣ наши друзья — жертвы преслѣдованій; тетушка моя подвергается всевозможнымъ непріятностямъ съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что она дала пріютъ Дельфину, когда онъ отправлялся въ Англію. Я бы послѣдовала его примѣру, но *Богъ удерживаетъ насъ здѣсь для другихъ цѣлей*... Мы здѣсь — жертвы всякаго рода разбойниковъ, они никого не оставляютъ въ покоѣ, такъ что можно бы возненавидѣть эту республику, если бъ мы не знали, что *человѣческія преступленія не доходятъ до небесъ*...

Послѣ отъѣзда семействъ Фодоа и Левальянъ Шарлотта осталась почти въ полномъ одиночествѣ. По свидѣтельству современниковъ, она почти не разставалась съ г-жой Бреттевиль, жившей очень замкнуто. Выходила она изъ дому главнымъ образомъ, чтобъ оказать помощь политическимъ преступникамъ. Не проходило почти дня, чтобъ «милостивая Марія» — такъ звали ее въ Каннѣ, — не отправилась къ мѣстнымъ администраторамъ просить объ облегченіи участи заключенныхъ въ тюрьму священниковъ, за выгнанныхъ изъ своей обители монахинь и за семейства эмигрантовъ. И просьбы ея обыкновенно исполнялись. Чтеніе составляло главное занятіе Шарлотты. Быстро смѣнявшіяся событія породили цѣлую литературу за и противъ революціи. Шарлотта жадно поглощала все, выходившее въ печати по собственнымъ ея словамъ, въ теченіе двухъ лѣтъ она прочла болѣе пятисотъ всякаго рода брошюръ. Она получала газету «La Quotidienne», редактируемую Перло; часто читала «Courrier Français», газету аббата Понселена, «Courrier Uninersel», изданіе Гюссона; «Courrier des départaments», жирондиста Горзаса и «Patriote Français», органъ Бриссо. Присоединимъ къ этой газетной литературѣ любимую настольную книгу Шарлотты «Histoire philosophique des Etablissements du Commerce des Européens dans les deux Indes» — и мы получимъ понятіе о той интеллектуальной атмосферѣ, въ которой жила Шарлотта Кордэ.

Атмосфера эта въ періодъ 1791—92 гг. сроднила и сблизила ее съ реформами 1789 года, одновременно внушивъ глубокое отвращеніе къ теоріямъ радикальной партіи Горы. По природнымъ склонностямъ, такъ же, какъ подъ вліяніемъ чтенія,

Шарлотта ближе всего примыкала къ демократическимъ идеямъ въ духѣ жирондистовъ, болѣе всѣхъ воплощавшихъ въ ея глазахъ республиканскій идеалъ.

Таково было ея общее настроеніе, когда, лѣтомъ 1793 года, до глухой провинціи дошли слухи о событіи 31 мая — декретѣ Конвента противъ жирондистовъ. Изъ числа 22 обвиненныхъ 18 искали прибѣжища въ Каннѣ, гдѣ жители только что высказались противъ нарушенія правъ народныхъ представителей. Появленіе жирондистовъ въ Каннѣ должно было сыграть рѣшительную роль въ жизни Шарлотты Кордэ: отнынѣ она рѣшила связать съ ними свою судьбу во имя спасенія отечества. 20 іюня 1793 г. Шарлотта, въ сопровожденіи стараго слуги г-жи Бретвиль, отправилась въ интендантство и заявила о своемъ желаніи видѣть гражданина Барбару. Она имѣла при этомъ въ виду попросить у него рекомендательное письмо къ министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы ходатайствовать за г-жу Форбэнъ, лишенную своего содержанія канониссы. Внимательно выслушавъ ее, Барбару обѣщалъ свою помощь, но замѣтилъ при этомъ, что рекомендація изгнанника скорѣе повредитъ, чѣмъ поможетъ дѣлу. Присутствовавшій при этомъ свиданіи жирондистъ Лувэ такъ передаетъ свое впечатлѣніе о Шарлоттѣ Кордэ: «Въ интендантство, гдѣ мы всѣ помѣщались, — говоритъ онъ, — явилась къ Барбару молодая дѣвушка высокаго роста, стройная, благовоспитанная, съ скромными манерами. Во всемъ ея лицѣ, во всей фигурѣ поражала смѣсь кротости и достоинства, свидѣтельствовавшая о чудной душѣ». Между тѣмъ, дѣло, о которомъ просила Шарлотта, затянулось. Тогда, рѣшивъ лично отправиться въ Парижъ, она вторично обратилась къ Барбару съ просьбой дать ей рекомендацію къ министру. Онъ посовѣтовалъ ей лучше обратиться къ депутату и далъ письмо къ Дюперрэ. Съ своей стороны, Шарлотта предложила передать письма изгнанныхъ жирондистовъ ихъ коллегамъ въ Парижѣ. Предложеніе было принято съ энтузіазмомъ, и Барбару назначилъ ей день свиданія, чтобъ передать письма. Послѣ этого разговора Шарлотта вернулась домой взволнованная, глаза ея сверкали, лицо пылало. Проходя мимо мастерской сосѣда, плотника Люселя, она пріостановилась, чтобы сказать нѣсколько словъ по поводу политическихъ дѣлъ. При этомъ лицо ея вдругъ просвѣтлѣло, какъ бы вдохновилось, и, ударивъ рукой по столу, она воскликнула: «Нѣтъ, не удастся Марату царствовать надъ Франціей!» — и она удалилась, оставивъ присутствовавшихъ въ полномъ изумленіи. Моментъ этотъ, повидимому, явился рѣшающимъ въ жизни Шарлотты Кордэ. Не совсѣмъ опредѣлив-

шееся настроеніе, смутная жажда подвига, принесенія себя въ жертву на алтарѣ отечества,—всѣ эти неясныя чувства и мысли вылились въ опредѣленное, твердое рѣшеніе: она убьетъ злѣйшаго врага отечества, Марата, и вернетъ Франціи спокойствіе и миръ. Что послѣдуетъ далѣе, объ этомъ она мало заботилась.

7 іюля Шарлотта отправилась въ интендантство за письмомъ для г-жи Форбэнъ. Барбару съ товарищами принялъ ее любезно и вступилъ въ бесѣду о политическихъ дѣлахъ. Рѣчь шла о совершившихся въ Кашѣ событіяхъ, между прочимъ о наборѣ отряда, который долженъ былъ итти въ Парижъ бороться противъ анархіи. Участвовавшій въ бесѣдѣ Петіонъ сдѣлалъ при этомъ ироничное замѣчаніе по поводу республиканскихъ убѣжденій «красавицы-аристократки, возжигавшей свой патріотизмъ у очага жирондистовъ».—«Вы судите, не зная меня, гражданинъ Петіонъ,—гордо возразила Шарлотта.—Будетъ время, когда вы меня узнаете». На слѣдующій день, 8 іюня, Барбару прислалъ ей письмо [1]) къ Дюперрэ вмѣстѣ съ пакетомъ печатныхъ бумагъ. Шарлотта на словахъ поручила передать, что она вскорѣ сообщитъ ему о результатѣ своей поѣздки.

Шарлотта собралась въ путь рано утромъ. 9 іюля она сожгла всю свою корреспонденцію, вмѣстѣ съ политическими брошюрами и республиканскими газетами, сохранивъ на память о друзьяхъ лишь послѣдній номеръ «Бюллетеня изъ Кальвадоса». Затѣмъ, скрывъ отъ всѣхъ свои планы, она сообщила тетушкѣ, что ѣдетъ въ Аржантонъ повидаться съ отцомъ. Въ то же утро, передъ отъѣздомъ, Шарлотта зашла къ пріятельницѣ, г-жѣ Мальфилатръ, сообщила, что уѣзжаетъ и, взявъ на руки ея маленькаго сына, поцѣловала его. «Люби твою мать, дитя мое,—сказала она,—и будь вѣренъ отечеству. Любовь къ семьѣ и къ родинѣ—двѣ главныя человѣческія добродѣтели».

Вернувшись домой, Шарлотта сѣла писать отцу; при этомъ, чтобы отдалить отъ него ударъ, она сообщила, что покидаетъ

---

[1]) Вотъ это письмо: «Кань, 7 іюля 1793 г., II годъ единой и нераздѣльной республики. Посылаю тебѣ, мой дорогой и добрый другъ, нѣсколько интересныхъ сочиненій, которыя желательно распространить. Наиболѣе впечатлѣнія произведетъ сочиненіе Салля о конституціи; при случаѣ я перешлю тебѣ побольше экземпляровъ его. Я написалъ тебѣ черезъ Руанъ, чтобы обратить твое вниманіе на дѣло, касающееся одной нашей согражданки, а именно, надо извлечь изъ министерства внутреннихъ дѣлъ нѣкоторыя бумаги, которыя ты перешлешь мнѣ въ Кань. Гражданка, которая передастъ тебѣ письмо, сама очень интересуется этимъ дѣломъ; оно показалось мнѣ настолько справедливымъ, что я, не колеблясь, принялъ въ немъ участіе. Здѣсь все идетъ на ладъ—мы вскорѣ будемъ подъ стѣнами Парижа".

Францію, чтобы искать прибѣжища въ Англіи. Приводимъ это письмо. Въ наивномъ стилѣ его отражается настроеніе Шарлотты — безмятежное, наивно спокойное. Въ немъ не проскальзываетъ ни колебаній ни сожалѣній, — только одна скорбь о неизбѣжной разлукѣ. «Я обязана быть вамъ послушной, дорогой мой папа, а я все-таки уѣзжаю безъ вашего разрѣшенія; уѣзжаю, не повидавшись съ вами, потому что мнѣ было бы слишкомъ грустно. Я ѣду въ Англію, такъ какъ во Франціи долгое время не будетъ ни спокойствія ни счастья. Передъ отъѣздомъ я опущу письмо въ почтовый ящикъ, и когда вы его получите, меня уже не будетъ въ этой странѣ. Небо лишаетъ насъ счастья жить вмѣстѣ, какъ оно лишило насъ и многаго другого. Быть-можетъ, оно будетъ благосклоннѣе къ нашему отечеству. Прощайте, дорогой мой папа, поцѣлуйте за меня сестеръ и не забывайте меня. 9 іюля».

Затѣмъ Шарлотта ласково распростилась съ тетушкой и направилась къ почтовой каретѣ. Въ ту минуту, какъ она выходила изъ дома, сынъ знакомаго плотника, 14-лѣтній мальчикъ, бросился ей на шею, спрашивая, когда она вернется. Шарлотта на минуту смутилась, на глазахъ ея навернулись слезы. Но она скоро овладѣла собой, взяла нѣсколько набросковъ изъ своихъ рисунковъ и дала ихъ мальчику. «Не забудь меня, мой маленькій другъ, — прошептала она. — Ты уже больше меня не увидишь».

9 іюля, въ два часа пополудни, Шарлотта сѣла въ почтовую карету, которая должна была доставить ее въ Парижъ.

II.

Осужденіе жирондистовъ.—Шарлотта Кордэ въ Парижѣ.— Убійство Марата.—Впечатлѣніе смерти его въ Парижѣ.

Наканунѣ отъѣзда Шарлотты Кордэ Конвентъ въ Парижѣ произносилъ смертный приговоръ жирондистамъ. 8 іюля Сенъ-Жюстъ, именемъ своихъ коллегъ, представилъ въ Конвентъ проектъ декрета противъ жирондистовъ. Проектъ сопровождался обвинительной рѣчью. «Заговоръ жирондистовъ, наконецъ, разоблаченъ,—сказалъ онъ.—Я долженъ сдѣлать вамъ по этому поводу лишь простое сообщеніе, передать вамъ общеизвѣстныя истины. Они пригласили генерала Диллона стать во главѣ возставшихъ, чтобы возвести на тронъ Франціи сына Капета, мать его объявить регентшей и бороться до послѣдней капли крови противъ якобинцевъ и анархіи. Бюзо и Горзасъ тайно протягиваютъ

руку Ванпея. Бюзо возмущаетъ власти въ Эръ и Кальвадосѣ: Горзасъ, Лувэ, Петіонъ, Барбару и другіе — за одно съ нимъ. Народъ угнетаютъ; вы должны сломить этихъ людей. Вы должны побѣдить... Приняты предосторожности, чтобы предотвратить преступленіе. Я описалъ заговоръ. Вы имѣли и имѣете еще право остановить тѣхъ изъ вашихъ членовъ, которые предавали республику. Жирондисты первые дали примѣръ строгости по отношенію къ народнымъ представителямъ: пусть же примѣнится къ нимъ законъ, который они создали для другихъ. Они — тираны, если захотятъ стать выше закона. Пусть же выбираютъ они между именемъ заговорщиковъ или тирановъ».

Въ отвѣтъ на рѣчь С. Жюста жирондисты въ Кане писали 13 іюля 1793 года[1]): «Мужайтесь, г. рыцарь С. Жюстъ; еще нѣсколько мгновеній — вы и ваши друзья изъ Комитета Общественнаго Спасенія — вашъ Маратъ особенно, — будете уничтожены. Да, низкіе злодѣи, наступаетъ часъ отмщенія: всемогущій народъ окружаетъ васъ; топоръ готовъ!..

Вѣроятно, слова эти дали поводъ предположить, что Шарлотта Кордэ сыграла въ исторіи роль пассивнаго орудія въ рукахъ жирондистовъ. Догадка эта лишена всякаго основанія. Ее не подтверждаютъ ни личный характеръ Шарлотты, слишкомъ независимый и самостоятельный, чтобы взять на себя роль пассивнаго орудія; ни отношенія ея къ жирондистамъ, случайныя и завязавшіяся лишь передъ финальной катастрофой: ни политическіе замыслы самой партіи жирондистовъ, мечтавшей разоблачить заговоръ, поднять народъ противъ тирановъ отечества и открыто итти освобождать въ Конвентѣ его представителей. Передъ такимъ грандіознымъ проектомъ — что могло значить убійство одного лица — фанатика Марата?

Шарлотта Кордэ пріѣхала въ Парижъ 11 іюля, въ 12 часовъ дня. Въ бюро, гдѣ останавливалась почтовая карета, одинъ изъ служащихъ вручилъ ей адресъ гостиницы, — «Hotel Providence», № 19 улицы Vieux Augustins, а комиссіонеръ тутъ же вызвался проводить ее. Тотчасъ по пріѣздѣ Шарлотта отправилась къ Дюперрэ. Не заставъ его дома, она передала пакетъ съ бумагами его дочерямъ, предупредивъ, что зайдетъ еще разъ, къ вечеру. Она явилась къ концу обѣда и потребовала видѣть Дюперрэ съ глазу на глазъ; сообщила ему все, что знала объ его политическихъ друзьяхъ, и попросила проводить ее въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чтобъ извлечь необходимыя для

[1]) Въ брошюрѣ подъ заглавіемъ «Замѣчанія по поводу доклада 31 жирондистовъ».

дѣла г-жи Форбэнъ документы. Дюперрэ, знавшій семью Форбэнъ, изъявилъ готовность помочь ей; но такъ какъ было уже поздно, рѣшился отложить дѣло до слѣдующаго дня. 12 іюля, въ 10 часовъ утра, Дюперрэ зашелъ за Шарлоттой и тотчасъ отправился съ ней въ министерство. Но Гора, министръ внутреннихъ дѣлъ, не принялъ его и назначилъ прійти въ 8 часовъ вечера. Дюперрэ проводилъ свою спутницу обратно въ гостиницу. Дорогой разговоръ зашелъ о современныхъ политическихъ событіяхъ, объ измѣнникахъ въ Кашѣ и злодѣйствахъ террористовъ; при этомъ Шарлотта, горячо порицая послѣднихъ, ни словомъ не выдала свои замыслы. Въ то же утро, въ его отсутствіе, у Дюперрэ, по приказу Конвента, опечатали всѣ бумаги, по подозрѣнію въ соучастіи съ генераломъ Дилленомъ. Узнавъ объ этомъ, Дюперрэ отправился къ Шарлоттѣ увѣдомить ее, что дальнѣйшее его содѣйствіе было бы для нее скорѣе вредно, чѣмъ полезно. При этомъ онъ ей представилъ, что дѣло ея во всякомъ случаѣ должно быть отложено за неимѣніемъ главной бумаги — довѣренности г-жи Форбэнъ. Шарлотта согласилась съ нимъ, поблагодарила и просила болѣе не посѣщать ее. «Прощаясь съ вами, быть-можетъ, навсегда, — сказала она, — я дамъ вамъ дружескій совѣтъ: уходите изъ Конвента; вы уже не можете приносить въ немъ пользы. Отправляйтесь къ вашимъ коллегамъ въ Кашъ». — «Вы забываете, — возразилъ Дюперрэ, — что мѣсто мое въ Парижѣ и что я не могу покидать его». — «Берегитесь; вы дѣлаете неосторожность. Повторяю — уѣзжайте. Повѣрьте моему слову: спасайтесь до завтрашняго вечера: послѣ завтра будетъ уже слишкомъ поздно и для васъ и для многихъ другихъ!» Слова эти свидѣтельствуютъ, что рѣшеніе Шарлотты, въ принципѣ, было уже твердо принято. Оставалось обдумать его и выбрать день. Повидимому, сначала она остановилась на 14 іюлѣ, — праздникъ Федераціи: смерть Марата въ праздникъ свободы явилась бы назидательнымъ примѣромъ для его товарищей — монтаньяровъ. Но проектъ пришлось измѣнить: оказалось, что праздникъ Федераціи отмѣнили до побѣды республиканцевъ надъ мятежниками въ Нормандіи и на югѣ Франціи. Тогда у Шарлотты явился новый планъ — убить Марата въ самомъ Конвентѣ. Но какъ разъ въ это время «другъ народа» по болѣзни не выходилъ изъ дому. А между тѣмъ съ каждымъ днемъ эшафотъ уносилъ все новыя и новыя его жертвы! Рано утромъ, 13 іюля, Шарлотта послала Марату слѣдующее письмо, оставшееся безъ отвѣта. «Гражданинъ, я пріѣхала изъ Кашъ. Ваша любовь къ отечеству даетъ мнѣ основаніе предполагать, что вамъ интересно будетъ узнать о

несчастныхъ событіяхъ въ этой части республики. Будьте добры принять меня и удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ. Я доставлю вамъ возможность оказать большую услугу Франціи». Въ то же утро, около $7^1/_2$ часовъ, Шарлотта зашла въ одну хозяйственную лавочку въ Палэ-Роялѣ и за два франка купила ножъ съ рукояткой изъ чернаго дерева въ футлярѣ изъ шагреневой кожи. Около $11^1/_2$ часовъ она взяла извозчика и отправилась къ Марату—улица Кордельеровъ. На вопросъ, гдѣ квартира Марата, привратница отвѣчала, что онъ боленъ и никого изъ посторонпихъ не принимаетъ. Не обращая вниманія на ея слова, Шарлотта быстро вошла по лѣстницѣ въ переднюю Марата, объявила, что имѣетъ сообщить ему важныя извѣстія и потребовала, чтобы ее тотчасъ къ нему впустили. Въ передней ее встрѣтила Симонна Эвраръ, подруга Марата, которую, по выраженію Шометта, онъ взялъ себѣ въ жены «въ одинъ прекрасный день, передъ лицомъ солнца». Взволнованный видъ Шарлотты, вѣроятно, возбудилъ ея подозрѣнія. Она сухо отказала ей въ просьбѣ и, несмотря на всѣ настоянія, объявила, что не можетъ назначить дня, когда Маратъ ее приметъ. Въ виду категорическаго отказа, Шарлотта принуждена была удалиться. Вернувшись домой, она вторично написала Марату по почтѣ. Вотъ это письмо: «Я написала вамъ сегодня утромъ, Маратъ, получили ли вы мое письмо? Могу ли я видѣть васъ на минуту?.. Надѣюсь, вы мнѣ не откажете въ виду важнаго дѣла, достаточно, что я несчастна, чтобы имѣть право на ваше покровительство».

Бросивъ письмо въ почтовый ящикъ, Шарлотта вторично отправилась къ Марату; поднялась по лѣстницѣ, но, не рѣшившись позвонить, посѣщеніе удалилась. Очевидцы сохранили въ памяти видъ Шарлотты Кордэ въ этотъ памятный вечеръ. Она была одѣта изящно: сѣрая полосатая юбка изъ канифаса; шляпа съ черной кокардой и зелеными лентами. И въ памяти обитателей дома долго сохранялось впечатлѣніе серебристаго голоса Шарлотты, когда она спрашивала: «Дома ли гражданинъ Маратъ?» Съ этимъ вопросомъ она явилась въ третій разъ въ $7^1/_2$ часовъ и потребовала, чтобъ ее къ нему впустили. На отказъ кухарки она стала настаивать, ссылаясь на свое письмо. Въ эту минуту въ переднюю вошла Симонна Эвраръ и на просьбу ея тоже отвѣчала отрицательно. Но шумъ голосовъ привлекъ вниманіе Марата: онъ потребовалъ, чтобы къ нему впустили просительницу.

Шарлотта Кордэ, какъ извѣстно, застала знаменитаго народнаго трибуна въ ваннѣ. Лежавшая поперекъ ванны доска служила ему письменнымъ столомъ. На стѣнѣ висѣла карта Фран-

ціи; надъ ванной — пара пистолетовъ съ надписью «Смерть». По полу валялись разбросанные номера «Друга Народа». Такова была окружавшая Марата обстановка. Покрытый проказой, безформенный и безобразный, съ хищнымъ взглядомъ, онъ долженъ былъ производить впечатлѣніе чудовища, исшедшаго изъ нѣдръ ада. Разговоръ, какъ выяснилось впослѣдствіи, завязался на почвѣ политическихъ вопросовъ. Маратъ сталъ разспрашивать Шарлотту Кордэ о политическомъ настроеніи въ Каннѣ и образѣ дѣйствій извѣстныхъ жирондистовъ; при этомъ онъ потребовалъ, чтобы она назвала послѣднихъ Дѣлая видъ, что она раздѣляетъ его взгляды, Шарлотта отвѣчала на вопросы и, по мѣрѣ того какъ она называла депутатовъ изъ Жиронды, Маратъ вносилъ ихъ въ свою записную книжку. «Хорошо,—произнесъ онъ своимъ хриплымъ замогильнымъ голосомъ,—черезъ нѣсколько дней я отправлю ихъ на гильотину». Слова эти явились смертнымъ приговоромъ Марата. Приблизившись къ нему, Шарлотта выхватила запрятанный на груди ножикъ и быстрымъ движеніемъ вонзила его до конца въ сердце Марата. Онъ успѣлъ произнести лишь нѣсколько словъ: «Помоги, милый другъ, помоги!» («A moi, amie, amie, à moi!») На этотъ возгласъ въ комнату вбѣжали привратница Марія-Луиза Пенъ, Лоранъ Ба—комиссіонеръ, свертывавшій листы газеты «Другъ Народа», а вслѣдъ за ними Симонна Эвраръ; послѣдняя, при видѣ бездыханнаго тѣла, въ ужасѣ воскликнула: «Боже мой, они его убили!»

Шарлотта между тѣмъ неподвижно стояла у окна, не пытаясь спастись бѣгствомъ. Лоранъ Ба бросился на нее и ударомъ стула повалилъ на полъ. Шумъ привлекъ вниманіе другихъ слугъ и жителей дома; а за ними — сосѣдей и солдатъ національной гвардіи. Слухъ объ убійствѣ Марата быстро распространился по городу. Собравшаяся у дома толпа яростно требовала, чтобы ей выдали голову убійцы. «Я ожидала немедленной смерти, — говоритъ Шарлотта Кордэ въ письмѣ къ Барбару.—Отважные люди... защитили меня отъ злобы (весьма извинительной) тѣхъ, кого я сдѣлала несчастными. Такъ какъ я сохранила все свое хладнокровіе, мнѣ было мучительно слышать крикъ нѣсколькихъ женщинъ; но кто спасаетъ отечество, тотъ не обращаетъ вниманія на все, чего это стоитъ».

На мѣсто преступленія явился полицейскій комиссаръ, Гэларъ Дюменіль, и затѣмъ четыре депутата монтаньяра—Моръ, Шабо, Друэ и Лежандръ. Во время предварительнаго допроса, Шарлотта Кордэ держала себя спокойно и хладнокровно. На вопросъ, что побудило ее совершить преступленіе,—она отвѣтила, что при видѣ зажигающейся во всей Франціи междоусоб-

ной войны она предпочла пожертвовать своей жизнью ради спасенія отечества. А на вопросъ, кто побудилъ ее къ преступленію,—объявила, что никто на свѣтѣ даже и не подозрѣвалъ о принятомъ ею рѣшеніи. Послѣ допроса Шарлотта Кордэ пожелала перечитать протоколъ и, прежде чѣмъ подписать его, потребовала исправленія нѣкоторыхъ своихъ отвѣтовъ, искаженныхъ въ офиціальной редакціи. По окончаніи всѣхъ судебныхъ формальностей, Шабо и Друэ взялись отвезти преступницу въ тюрьму Abbaye. Когда ее выводили, чтобъ посадить въ экипажъ, разъяренная толпа бросилась на нее съ криками угрозы. Шарлотта, какъ разсказываютъ, на мгновеніе потеряла сознаніе, но затѣмъ тотчасъ овладѣла собой.

Вѣсть объ убійствѣ Марата съ быстротой молніи распространилась по всему Парижу. Впечатлѣніе было потрясающее. Изъ предмѣстьевъ выступили съ зажженными факелами вооруженныя толпы, оглашавшія улицы криками: «Маратъ умеръ!—Народъ! Маратъ убитъ! Отометимъ, предавъ смерти аристократовъ! Спасемъ республику!» Утромъ, на разсвѣтѣ, по улицамъ виднѣлись тамъ и тутъ унылыя кучки рабочихъ, читавшихъ расклеенныя по стѣнамъ объявленія: «Народъ, Маратъ умеръ,—у тебя нѣтъ больше друга!» Слова эти передавались изъ устъ въ уста до самыхъ предмѣстьевъ Парижа. Дѣти проливали слезы; женщины на базарѣ испускали вопли отчаянія...

Комитетъ Общественнаго Спасенія, по предложенію Лежандра, издалъ слѣдующую прокламацію, расклеенную сначала на улицахъ Парижа, а затѣмъ разосланную по департаментамъ: «Граждане, роковыя предсказанія убійцъ свободы свершаются. Защитникъ правъ и верховнаго владычества народа, обличитель всѣхъ его враговъ, — Маратъ, одно имя котораго напоминаетъ оказанныя имъ отечеству услуги,—палъ подъ отцеубійственными ударами подлыхъ федералистовъ. Фурія, исшедшая изъ Канна, вонзила кинжалъ въ грудь апостола и мученика революціи. Граждане! Необходимы спокойствіе, энергія и особенно бдительность... Часъ свободы пробилъ, и пролившаяся кровь является приговоромъ для всѣхъ измѣнниковъ; она запечатлѣваетъ тѣсную связь патріотовъ, которые на могилѣ этого великаго человѣка, вновь клятвенно провозгласятъ — *свобода или смерть!*»

Въ клубѣ якобинцевъ извѣстіе объ убійствѣ Марата было встрѣчено рыданіями и бурными проявленіями горести. Вотъ какъ описывается это засѣданіе въ «Журналѣ Горы» («Journal de la Montagne»). «Одинъ изъ членовъ клуба сообщаетъ извѣстіе о смерти Марата, погибшаго отъ руки женщины. Со всѣхъ сторонъ поднимаются крики негодованія. Генріо восклицаетъ:

«Маратъ умеръ, и убійца его схвачена; преступница — женщина лѣтъ 22—23, она, видимо, съ ужасомъ, относится къ своему дѣянію. Граждане, будьте тверже, чѣмъ когда-либо, и не довѣряйте зеленымъ шляпамъ[1]). Поклянемся отомстить за смерть великаго человѣка». — «Я смотрю на это событіе,—замѣтилъ Геберъ, — какъ на одно изъ самыхъ плачевныхъ изъ тѣхъ, что случились послѣ утвержденія республики. Прольемъ слезы на могилѣ Марата; пусть всѣ добрые патріоты будутъ на стражѣ, ибо каждый изъ нихъ въ опасности. Я предлагаю просить Конвентъ, чтобы Марата почтили апоѳеозомъ». Предложеніе Гебера принято якобинскимъ клубомъ съ энтузіазмомъ. 14 іюля предсѣдатель Конвента, открывая экстренное засѣданіе, произнесъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ: «Граждане, великое преступленіе совершилось вчера надъ личностью народнаго представителя: Маратъ умеръ!» Отвѣчая ему, президентъ одной изъ секцій произнесъ замогильнымъ голосомъ: «Народъ! Ты потерялъ друга! Марата нѣтъ въ живыхъ! О, ужасное зрѣлище! Онъ на одрѣ смерти!» Затѣмъ Шабо, поднявшись на трибуну, сообщилъ конвенту подробности смерти Марата, изобразивъ убійцу въ самыхъ мрачныхъ, отталкивающихъ краскахъ. «Пусть же судъ,— сказалъ онъ въ заключеніе, — накажетъ эту кровожадную женщину, подвергнувъ ее и ея сообщниковъ самымъ жестокимъ пыткамъ! Созерцайте, граждане, — воскликнулъ онъ, показывая окровавленный ножикъ, — смертоносное орудіе, еще покрытое кровью безсмертнаго Марата. Что касается сообщниковъ преступной Кордэ, вы не можете сейчасъ поразить ихъ; но удвойте вашу энергію противъ заговорщиковъ въ Каннѣ и ихъ сообщниковъ въ Парижѣ, поддерживающихъ съ ними сношенія и засѣдающихъ въ самыхъ нѣдрахъ Конвента. Помните, граждане, что убійца явилась изъ Каннъ, очага федералистскаго заговора; что членъ правой въ этомъ собраніи—Дюперрэ—получилъ отъ убійцы связку писемъ». Шабо заключилъ свою рѣчь предложеніемъ перенести смертные останки Марата въ Пантеонъ. Засѣданіе конвента закончилось постановленіемъ слѣдующаго декрета: «Національный Конвентъ постановилъ, что революціонный трибуналъ немедленно учредитъ слѣдствіе противъ убійцы Марата и ея сообщниковъ». Въ заключеніе Собраніе рѣшило въ полномъ составѣ присутствовать на похоронахъ Марата. Торжественной этой церемоніи былъ посвященъ слѣдующій день, 15 іюля. Современная печать сохранила намъ нѣкоторыя подробности похо-

[1]) Намекъ на цвѣтъ лентъ, украшавшихъ шляпу Шарлотты Кордэ.

ронъ «друга народа». Монтаньяры, якобинцы и кордельеры наперерывъ оспаривали другъ у друга право на останки Марата. Чести этой удостоились кордельеры. Было рѣшено, что прахъ Марата будетъ преданъ землѣ въ саду кордельеровъ, подъ сѣнью тѣхъ деревьевъ, гдѣ онъ по вечерамъ читалъ народу свою газету. 15 іюля вечеромъ набальзамированное тѣло Марата выставили въ старинной церкви кордельеровъ. Громадная толпа народа тѣснилась у гроба. Рядомъ съ нимъ была выставлена ванна и обагренныя кровью простыня и рубашка.

Церемоніалъ похоронъ былъ выработанъ художниками Давидомъ совмѣстно съ секціей Théatre Français. Убитому Марату оказали величайшія почести. Конвентъ въ полномъ составѣ присутствовалъ на похоронахъ, и каждый изъ членовъ бросалъ цвѣты на останки товарища. И среди воззваній къ мести депутатъ Друэ воскликнулъ: «О, люди слабые и заблудшіеся, вы, которые не осмѣливались поднять до него своихъ взоровъ, подойдите и созерцайте окровавленные останки гражданина, котораго вы при жизни не переставали оскорблять!» Процессіи народныхъ обществъ и секцій подходили къ гробу и бросали въ него цвѣты. «Онъ умеръ! — воскликнулъ президентъ республиканской секціи. — Онъ умеръ, другъ народа, убитъ!.. Не будемъ произносить хвалебныхъ рѣчей надъ его бездыханными останками! Хвалой ему служатъ его поведеніе, его писанія, его кровавая рана и смерть! Гражданки, осыпайте цвѣтами блѣдное тѣло Марата! Маратъ былъ нашимъ другомъ, другомъ народа: онъ жилъ для народа и умеръ за него!.. Но довольно жалобъ,—продолжалъ ораторъ.—Прислушайтесь къ великой душѣ Марата, которая пробуждается и говоритъ: «Республиканцы довольно слезъ... Республиканцы должны пролить лишь одну слезу и затѣмъ думать объ отечествѣ. Не меня хотѣли убить, а республику, народъ, — васъ самихъ!»

Другая, произнесенная на похоронахъ рѣчь, носила эпиграфомъ слова: «Сердце Іисуса—сердце Марата, у васъ равныя права на наше почитаніе». Ораторъ проводилъ параллель между Богородицей и подругой Марата, между Спасителемъ и Маратомъ. «Іисусъ былъ пророкъ, — воскликнулъ онъ, воодушевившись,— а Маратъ — божество!» Рѣчь была покрыта громомъ рукоплесканій. Но среди присутствующихъ нашелся оппонентъ, недовольный параллелью. «Марата,—глубокомысленно замѣтилъ онъ,—нельзя сравнивать съ Іисусомъ, ибо человѣкъ этотъ породилъ суевѣріе и защищалъ королей, а Маратъ имѣлъ смѣлость раздавить ихъ. Не надо говорить объ Іисусѣ,— сказалъ онъ въ заключеніе.—

это все глупости; для республиканцевъ нѣтъ другого Бога, кромѣ философіи и свободы».

Убійство Марата является яркимъ примѣромъ безплодности подобнаго рода борьбы: съ другой стороны — новымъ подтвержденіемъ той истины, что цѣль не оправдываетъ средствъ. Шарлотта Кордэ, убивая Марата, мечтала однимъ ударомъ кинжала уничтожить тиранію. Но террористическая гидра не могла уничтожиться насильемъ: орошенная кровью, она обрѣла новую силу, крѣпость, жизненность. Имя Марата, при жизни его постепенно тускнѣвшее и отходившее въ тѣнь, теперь стало лозунгомъ для всѣхъ террористовъ. Ореоль мученичества, какъ сіяніемъ, окружилъ его образъ, и вокругъ его имени создался цѣлый культъ. Бюсты его покупались нарасхватъ; надъ изображеніемъ его лица, грубаго и звѣроподобнаго, умилялись, проливали слезы...

Народъ возвелъ Марата въ божество, почти въ героя. Памяти его посвященъ былъ цѣлый рядъ стихотворныхъ произведеній, призывавшихъ въ параллель Марату великія тѣни древняго міра. Таково, между прочимъ, слѣдующее четверостишіе маркиза Сада:

Du vrai républicain unique et chère idole,
De ta perte, Marat, tout image console;
Qui chérit un grand homme adopte ses vertus:
Les cendres de Scévole ont fait naître Brutus.

И гипнозъ этотъ продолжался долго по смерти Марата; уже послѣ 9 термидора, снесшаго со сцены терроръ, авторъ трагедіи «Фенелонъ» предлагалъ перенести останки Марата въ Пантеонъ.

III.

Шарлотта Кордэ въ тюрьмѣ.—Письмо ея къ Барбару.—Политическое protession de foi и отношеніе къ совершонному убійству.

Въ то время, какъ правители Франціи, — коммуна, муниципальный совѣтъ и якобинскіе клубы, пользуясь убійствомъ Марата, замышляли новыя казни противъ своихъ политическихъ враговъ, а терроризированный Конвентъ безмолвствовалъ, — Шарлотта Кордэ не подозрѣвала о послѣдствіяхъ своего геройскаго поступка. Но странной случайности, она была заключена въ тюрьмѣ Abbaye въ той самой камерѣ, гдѣ еще недавно предшественниками ея были два знаменитыхъ представителя жиронды— Бриссо и г-жа Роланъ. Вотъ какъ описывала это помѣщеніе въ своихъ мемуарахъ г-жа Роланъ. «Это была маленькая, тем-

ная комнатка, съ грязными стѣнами и толстыми рѣшетками; по сосѣдству находился дровяной сарай—отхожее мѣсто всѣхъ животныхъ дома. Но такъ какъ эта комнатка вмѣщаетъ по объему лишь одну кровать и можно помѣститься въ ней отдѣльно, то обыкновенно ее, въ видѣ любезности, даютъ новому лицу или тому, кто желаетъ пользоваться этимъ преимуществомъ... Я не знала, что комната эта тогда же предназначалась Бриссо и не подозрѣвала, что вскорѣ ее займетъ героиня, достойная лучшаго вѣка — знаменитая Шарлотта Кордэ»[1]).

О краткихъ дняхъ, проведенныхъ Шарлоттой въ тюрьмѣ, сохранились свѣдѣнія отъ современниковъ, также — въ ея собственныхъ письмахъ. Тотчасъ по прибытіи въ Аббауе, къ ней приставили двухъ жандармовъ, не покидавшихъ ее ни днемъ ни ночью; мѣра незаконная, противъ которой она протестовала въ письмѣ «Комитету Общественной Безопасности», но тщетно: письмо осталось безъ отвѣта. Съ своей стороны, тюремное начальство отнеслось къ ней гуманно, доставивъ ей возможность написать роднымъ и друзьямъ. Благодаря этому, у насъ сохранился драгоцѣнный документъ — письмо Шарлотты къ Барбару. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются ея мысли, чувства и настроеніе. Искренностью и простотой дышитъ это письмо: ни тѣни сожалѣній о себѣ. Трудно повѣрить, что это пишетъ наканунѣ смерти молодая дѣвушка, полная жизни и силъ: такъ безмятежно спокоенъ весь тонъ письма. Вначалѣ Шарлотта описываетъ свое путешествіе въ Парижъ, дорожныя впечатлѣнія, встрѣчи, — пишетъ мѣстами игриво, весело; мѣстами шутливо. Вотъ это письмо:

«Въ тюрьмѣ Аббауе, въ комнатѣ, принадлежавшей Бриссо, на второй день подготовленія къ миру. Вы пожелали, гражданинъ, услышать детали о моемъ путешествіи; я не избавлю васъ ни отъ единой подробности. Я ѣхала съ добрыми монтаньярами, которымъ я предоставляла говорить вволю, и рѣчи ихъ, столь же глупыя, сколько сами они, были непріятны, помогли мнѣ уснуть. Одинъ изъ путешественниковъ, который, должно-быть, любитъ спящихъ женщинъ, принялъ меня за дочь одного изъ своихъ друзей, предположилъ, что у меня состояніе... приписалъ мнѣ имя, которое я никогда не слыхала, и, наконецъ, предложилъ мнѣ свое состояніе и руку. Когда рѣчи его надоѣли мнѣ, «мы прекрасно разыгрываемъ комедію,— сказала я, — жаль, что, при такомъ талантѣ, зрители отсутствуютъ, — я пойду за нашими спутниками, чтобы они приняли

[1]) Mémoires de madame Roland.

участіе въ зрѣлищѣ». Я оставила его въ очень дурномъ настроеніи. Ночью онъ пѣлъ жалобныя пѣсни, располагающія ко сну. Я разсталась съ нимъ, наконецъ, въ Парижѣ, отказавъ дать ему мой адресъ, такъ же, какъ адресъ моего отца, у котораго онъ хотѣлъ просить моей руки... Я не знала, — пишетъ она далѣе, — что эти господа (судьи) допрашивали путешественниковъ, и утверждала, что никого изъ нихъ не знаю, чтобъ избавить ихъ отъ непріятныхъ объясненій. Я въ этомъ слѣдовала моему оракулу Рейналю, который говоритъ, что никто не обязанъ отдавать правду тиранамъ. Они узнали отъ моей спутницы, что я съ вами знакома, и что я говорила съ Дюперрэ. Вы знаете твердую душу Дюперрэ,—онъ отвѣтилъ имъ точную правду. Я подтвердила его показанія, противъ него нѣтъ ничего, но твердость его уже есть преступленіе... Повѣрите ли? Фошэ въ тюрьмѣ, какъ мой соучастникъ, — онъ, который не зналъ о моемъ существованіи. Но они недовольны, что приходится принести въ жертву останкамъ этого великаго человѣка лишь ничтожную женщину». При воспоминаніи о Маратѣ, тонъ письма мѣняется и Шарлотта патетически восклицаетъ: «Прости, о человѣчество! Слово это (*человѣкъ* — въ примѣненіи къ Марату) обезчещиваетъ вашъ родъ; это былъ дикій звѣрь, который поглотилъ бы остальную Францію огнемъ междоусобной войны; теперь—да здравствуетъ миръ! Слава Богу, онъ не родился французомъ. Четыре члена присутствовали на моемъ допросѣ; Шабо имѣлъ видъ сумасшедшаго, Лежандръ утверждалъ, что я была у него утромъ, я, которая никогда и не помышляла объ этомъ человѣкѣ; я не вижу въ немъ достаточно данныхъ, чтобъ быть тираномъ своего отечества, и я не намѣревалась наказывать всѣхъ. Тѣ, кто въ первый разъ видѣли меня, увѣряли, что давно меня знаютъ. Кажется, были напечатаны послѣднія слова Марата, сомнѣваюсь, чтобъ онъ ихъ произнесъ, но вотъ послѣднія, которыя онъ сказалъ мнѣ, записавъ всѣ ваши имена... Онъ сказалъ мнѣ въ утѣшеніе, что черезъ нѣсколько дней всѣ вы будете гильотинированы въ Парижѣ. Эти послѣднія слова рѣшили его судьбу. Если департаментъ поставитъ его изображеніе противъ изображенія Сенъ-Фаржо, онъ можетъ вырѣзать слова эти золотыми буквами... Признаюсь, — говоритъ она далѣе, — я прибѣгла къ хитрости, чтобъ побудить его принять меня. *Всѣ средства хороши въ подобномъ случаѣ*,— замѣчаетъ она, — слова знаменательныя... Я хотѣла, уѣзжая изъ Канна, убить его на вершинѣ его горы, но онъ уже не бывалъ въ Конвентѣ. Жаль, что я не сохранила вашего письма, оно доказало бы, что у меня не было со-

участниковъ. Въ Парижѣ республиканцы не понимаютъ, какъ женщина, жизнь которой, даже самая долгая, ни на что не была нужна, какъ такая женщина можетъ хладнокровно жертвовать собой для спасенія отечества». И, выражая надежду, что смерть чудовища возвратитъ Франціи спокойствіе и миръ, она прибавляетъ: «Я наслаждалась эти два дня миромъ, счастье моего отечества составляетъ мое счастье». Но это ясное настроеніе далеко не безоблачно: Шарлотта вспоминаетъ объ отцѣ и родныхъ, и мысль о всемъ, что ихъ ожидаетъ, омрачаетъ ея спокойствіе: въ письмѣ уже звучатъ скорбныя ноты. Прося Барбару защитить родныхъ, если бъ они подверглись за нее преслѣдованію, она грустно прибавляетъ: «Во всей моей жизни я ненавидѣла лишь одно существо. И все-таки ненависть моя, — я доказала, какъ она сильна,—не такъ велика, какъ моя любовь къ тысячѣ другихъ существъ. Пылкое воображеніе, чувствительное сердце обѣщали бурную жизнь: пусть тѣ, кто могли бы сожалѣть обо мнѣ, примутъ это во вниманіе, и они порадуются безмятежному спокойствію, ожидающему меня въ Елисейскихъ поляхъ, въ обществѣ Брута и нѣсколькихъ героевъ древности... Объявляю всѣмъ парижанамъ, — говоритъ она далѣе, — что мы беремся за оружіе лишь противъ анархіи, это — истинная правда».

Здѣсь письмо прерывается. Призванная вторично къ допросу, Шарлотта оставляетъ его недоконченнымъ.

Мы намѣренно привели этотъ документъ — политическую исповѣдь Шарлотты Кордэ: онъ характеренъ какъ для нея самой, такъ и для той партіи, съ которой ее связывали общіе идеалы и взгляды. У Шарлотты, какъ и у другихъ ея единомышленниковъ, надъ всѣмъ прочимъ преобладаетъ мечта объ осуществленіи того идеала, который съ ранней юности взлелѣянъ былъ чтеніемъ древнихъ авторовъ. Своему времени и своей средѣ она принадлежала скорѣе внѣшнимъ образомъ. Всѣми мыслями и чувствами она жила въ иномъ мірѣ, — въ мірѣ Кая Гракха, Муція Сцеволы и Брута. Какъ мелка по сравненію съ ними казалась современная жизнь! Какъ узки ея интересы и стремленія! При видѣ царящихъ въ жизни ничтожества и слабости, у нея невольно вырывается восклицаніе: «Какъ мало въ наше время истинныхъ патріотовъ, готовыхъ умереть за отечество! Почти вездѣ эгоизмъ! Какой печальный народъ для республики!

Отсутствіе нравственной связи съ окружающей средой, быть-можетъ, — одинъ изъ главныхъ мотивовъ ея равнодушія къ жизни. Что могло ожидать ее, цѣломудренную, сильную духомъ, съ воз-

вышенными идеалами и стремленіями, — въ той средѣ, гдѣ она выросла и воспиталась? Заурядный бракъ, мелкіе домашніе интересы, буржуазная атмосфера, пропитанная мѣщанскими идеалами... не жизнь, а прозябаніе.

И вотъ судьба, какъ бы сама собой, разрубала Гордіевъ узелъ ея жизни. Теперь, наканунѣ смерти, она уже мысленно переносилась въ иной міръ, лучезарный и прекрасный, полный родственныхъ ей душъ. И ей было непонятно-оскорбительно состраданіе тѣхъ, кто могъ жалѣть объ ея долѣ. Состраданіе вѣдь означало непониманіе — непониманіе души ея, чуждой окружающему міру. И она говоритъ въ письмѣ наканунѣ смерти: «у [illegible] и прошу лишь скораго забвенія: сожалѣніе ихъ осквернило бы мою память».

Исторія не сохранила намъ деталей о послѣднихъ дняхъ жизни Шарлотты Кордэ, зато она сохранила впечатлѣніе, произведенное ею на современниковъ. Два чувства преобладали въ этомъ впечатлѣніи—удивленія и восторга: удивленія передъ ея мужественной стойкостью и самообладаніемъ, умиленнаго восторга передъ кротостью и духовной красотой, придававшей мягкія женственныя очертанія ея геройскому образу. Такой явилась она передъ судомъ. Вторично призванная 16 іюля къ допросу, Шарлотта дала тѣ же отвѣты, какъ и на предварительномъ слѣдствіи. По окончаніи допроса, ее отвели обратно въ Abbaye и вслѣдъ за тѣмъ въ Консьержери. «Меня сейчасъ перевели въ Консьержери, и господа присяжные обѣщали послать вамъ мое письмо, поэтому продолжаю. Меня подвергли длинному допросу, — достаньте протоколъ, если его предадутъ гласности, при мнѣ былъ, когда меня арестовали, адресъ къ друзьямъ мира[1])... Я попрошу напечатать его, — вѣроятно, просьба моя будетъ напрасна... Надо взять защитника, это правило; я выбрала изъ Горы Густава Дульсэ, думаю, онъ откажется отъ этой чести... Меня судятъ завтра въ 8 часовъ, вѣроятно, въ 12 часовъ я покончу жизненные счеты (j'aurai vecu pour parler le langage romain). Надо вѣрить въ отвагу жителей Кальвадоса, такъ какъ даже женщины этой страны могутъ быть твердыми; впрочемъ, не знаю какъ пройдутъ послѣднія минуты, а вѣдь дѣло вѣнчаетъ конецъ. Мнѣ нечего притворяться равнодушной къ своей судьбѣ, такъ какъ до этого мгновенія у меня—ни малѣйшаго страха смерти. Я никогда не цѣнила жизнь иначе, какъ по той пользѣ, которую она можетъ принести... Я напишу одно слово папѣ. Я ничего не говорю другимъ моимъ друзьямъ, и

[1]) Avis aux Français.

прошу ихъ лишь о скоромъ забвеніи... Скажите генералу Вимижену, что, облегчивъ водвореніе мира, я помогла ему одержать не одну побѣду. Прощайте, гражданинъ, пусть вспомнятъ обо мнѣ истинные друзья мира».

Такое же настроеніе, ясное какъ безоблачное небо, отражается и въ другомъ ея письмѣ къ отцу. Характеренъ стиль этого письма — наивный, безпечно-спокойный: въ началѣ его изъ-за образа смѣлой героини выглядываетъ дѣвочка-подростокъ. Вотъ это письмо. «Простите, милый папа, что я распорядилась своею жизнью безъ вашего разрѣшенія. Я отомстила за многихъ невинныхъ жертвъ и предупредила много другихъ бѣдствій. Народъ, когда-нибудь вразумленный, порадуется, что его освободили отъ тирана. Я постаралась увѣрить васъ, что я уѣхала въ Англію, въ надеждѣ, что мнѣ удастся сохранить инкогнито: но это оказалось невозможнымъ. Надѣюсь, что васъ не будутъ безпокоить. Во всякомъ случаѣ, вы найдете защитниковъ въ Каннѣ. Прощайте, милый папа. Прошу васъ забыть меня или скорѣе, — радоваться моей судьбѣ. Вы знаете вашу дочь: преступительная цѣль не могла руководить ею. Цѣлую сестру мою, которую люблю всѣмъ сердцемъ, также всѣхъ родныхъ. Не позабудьте стихъ Корнеля: «Le crime fait la faute, et non pas l'échafaud». Меня судятъ завтра, въ 8 часовъ, 16 іюля».

IV.

Судъ надъ Шарлоттой Кордэ.— Послѣднія ея письма.— Казнь Шарлотты Кордэ.

17 іюля 1793 г. въ 8 ч. утра революціонный Трибуналъ, подъ предсѣдательствомъ Фукье-Тэнвиля собрался въ salle de l'Egalité. Установленный декретомъ Національнаго Конвента отъ 10 марта 1793 г., Революціонный Трибуналъ судилъ обвиняемыхъ съ присяжными, — упрощенной и ускоренной процедурой. Апелляціи на приговоръ его не было. И въ данномъ случаѣ участь Шарлотты Кордэ, въ принципѣ, уже давно была рѣшена: судъ являлся лишь пустой формальностью.

Исторія сохранила намъ описаніе внѣшней картины суда. Большая длинная зала, освѣщенная двумя окнами, выходившими во дворъ palais de Gustice. Въ глубинѣ залы, полукругомъ, скамьи присяжныхъ. Впереди на эстрадѣ — столъ; вокругъ него — предсѣдатель и присяжные, въ черномъ фракѣ, мантіи и широкополой шляпѣ, приподнятой спереди лентой и трехцвѣт-

ной кокардой. У эстрады, направо отъ предсѣдателя — прокуроръ суда; налѣво — регистраторъ; и около перилъ, — большое отгороженное мѣсто для жандармовъ; впереди — кресло и стулья обвиняемыхъ. Въ глубинѣ залы, отдѣленной отъ преторскаго судилища деревянной балюстрадой, толпились зрители.

Укоренившіяся традиціи предоставляли обвиняемому выборъ защитника. Воспользовавшись этимъ правомъ, Шарлотта Кордэ наканунѣ суда остановила свой выборъ на Дульсэ де-Пантекулэ. За неявкой его, судъ назначилъ защитникомъ депутата города Кана, Шово де-Лагарда, знаменитаго впослѣдствіи адвоката жирондистовъ. Ему-то мы и обязаны описаніемъ Шарлотты Кордэ передъ судомъ. Появленіе ея, по его словамъ, произвело потрясающее впечатлѣніе. Она импонировала не столько внѣшней красотой, сколько той нравственной силой, которая сквозила въ каждомъ ея словѣ, каждомъ жестѣ. Особенно поражало удивительное сочетаніе безстрашія и непреклонной воли — съ почти дѣтской простотой и женственной мягкостью. «Ни одинъ живописецъ, — говоритъ Шово Лагардъ, — не далъ намъ вѣрнаго изображенія этой необыкновенной женщины... Искусство не могло бы воспроизвести отражавшуюся въ лицѣ ея великую душу. Точно такъ же не трудно было буквально записать слова ея, но невозможно описать какъ разъ то, что меня поразило болѣе всего, а именно — интонаціи ея голоса, почти дѣтскаго и всегда гармонировавшаго съ простотой ея внѣшнихъ пріемовъ и съ невозмутимой ясностью ея выраженія, — что съ виду такъ мало согласовалось съ тѣми мыслями и чувствами, которыя она выражала. Нельзя также дать понятія о томъ впечатлѣніи, которое она произвела на присяжныхъ, судей и на громадную толпу зрителей: казалось, они ее принимали за судью, призвавшаго ихъ къ высшему трибуналу»...

Фактъ совершеннаго обвиняемой преднамѣреннаго убійства былъ установленъ уже раньше. Вопросы прокурора и предсѣдателя суда теперь имѣли главной цѣлью открыть сообщниковъ Шарлотты Кордэ; но она, попрежнему, всецѣло на себя брала отвѣтственность за поступокъ, отрицая чье-либо вліяніе или соучастіе. По окончаніи допроса предсѣдатель перешелъ къ разсмотрѣнію обвинительнаго акта. Когда судебный приставъ показалъ обвиняемой обагренный кровью Марата ножикъ, она отвернулась и взволнованно проговорила: «Да, я узнаю его, узнаю!» — «Вѣроятно, вы упражнялись въ такихъ преступленіяхъ», замѣтилъ прокуроръ. «О чудовище! — воскликнула Шарлотта Кордэ, бросивъ гнѣвный взглядъ на Фукье Тэнвиля.— Онъ принимаетъ меня за убійцу!»

Допросъ кончился. Настала очередь защитника. Предоставляемъ слово Шово-Лагарду. «Когда, — разсказываетъ онъ, — я всталъ, чтобъ говорить, въ собраніи сначала послышался глухой и смутный шумъ, какъ бы изумленія... Затѣмъ настало мертвое молчаніе, пронизавшее меня до мозга костей. Пока говорилъ прокуроръ, присяжные поручили передать мнѣ, чтобъ я молчалъ, а предсѣдатель, чтобъ я ограничился утвержденіемъ, что обвиняемая не въ своемъ разумѣ. Всѣ хотѣли, чтобъ я унизилъ ее. Что касается Кордэ, выраженіе лица ея было все то же. Но взглядомъ она давала мнѣ понять, что не желаетъ быть оправданной. Въ этомъ послѣ преній я не могъ и сомнѣваться; притомъ оправдать было невозможно, ибо, помимо ея признаній, имѣлось законное доказательство предумышленности убійства. Тѣмъ не менѣе, твердо рѣшивъ исполнить свой долгъ, я ничего не хотѣлъ сказать, что моя совѣсть и подсудимая могли бы отвергнуть. И вдругъ меня осѣнила мысль ограничиться простымъ замѣчаніемъ, которое, въ собраніи народа или законодателей, могло бы служить основой полной защиты, и я сказалъ: «Подсудимая хладнокровно сознается въ совершенномъ ею ужасномъ покушеніи... сознается и во всѣхъ сопровождавшихъ его ужасныхъ обстоятельствахъ,—словомъ, она сознается во всемъ и не пытается оправдаться. Въ этомъ, граждане присяжные, вся ея защита. Это невозмутимое спокойствіе и полное самоотреченіе, такъ сказать, передъ лицомъ смерти,—спокойствіе это и самоотреченіе высокое, съ одной стороны, не въ природѣ вещей и объясняются лишь экзальтаціей политическаго фанатизма, вложившаго ей въ руку мечъ. Граждане присяжные, вамъ судить, какое значеніе должно имѣть это нравственное соображеніе на вѣсахъ правосудія».

Послѣ рѣчи защитника предсѣдатель Революціоннаго Трибунала передалъ присяжнымъ обвинительный актъ и протоколы, предложивъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы: 1. Установлено ли, что Б. Маратъ погибъ 13 іюля отъ руки убійцы? 2. Установлено ли, что виновница убійства—Марія-Шарлотта Кордэ, жительница города Канъ, департамента Кальвадоса? 3. Совершила ли она это убійство предумышленно и съ преступной цѣлью? Послѣ краткаго совѣщанія, присяжные вынесли утвердительный отвѣтъ на всѣ три вопроса: «Да, виновна».

Оставалось теперь исполнить послѣднюю формальность. Послѣ открытаго голосованія предсѣдатель прочелъ смертный приговоръ: «Трибуналъ, выслушавъ заключеніе прокурора о примѣненіи закона, присуждаетъ Шарлотту Кордэ къ смерти... повелѣваетъ, чтобы означенная Марія Шарлотта Кордэ была отведена

на мѣсто казни, одѣтая въ красную рубашку, сообразно 4 § 1 статьи 1 части уголовнаго кодекса... и повелѣваетъ, кромѣ того, чтобы имущества означенной Кордэ были переданы во владѣніе республики... Хладнокровно выслушавъ чтеніе приговора, Шарлотта поклонилась къ своему защитнику. «Благодарю васъ, — сказала она — за ту ласку, съ которой вы меня защищали; она достойна васъ и меня».

Исторія сохранила намъ нѣкоторыя детали о послѣднихъ часахъ жизни Шарлотты Кордэ: всѣ свидѣтельствуютъ о геройскомъ мужествѣ и твердости, ни на минуту не покидавшихъ ее передъ лицомъ смерти. Въ тюрьмѣ, по возвращеніи изъ суда, посѣтилъ конституціонный священникъ, на котораго возложена была обязанность давать послѣднее утѣшеніе приговореннымъ къ смерти. Шарлотта поблагодарила его, но отказалась отъ его услугъ: вѣрная католичка, она не признавала авторитета ренегата. Незадолго до рокового часа въ тюрьму къ ней явился художникъ Хаузоръ, начавшій во время суда ея портретъ. Шарлотта согласилась позировать для него, выразивъ при этомъ желаніе передать родным ея концу портрета. Портретъ едва былъ набросанъ, какъ въ камеру вошелъ палачъ съ красной рубашкой. Шарлотта Кордэ слегка вздрогнула. «Какъ? Уже?!» — воскликнула она, но тотчасъ овладѣла собой. Взявъ изъ рукъ палача ножницы, она сама отрѣзала локонъ своихъ волосъ и передавая его художнику: «Не знаю, — сказала она, — какъ поблагодарить васъ за участіе и за вашъ трудъ... Сохраните это на память обо мнѣ».

Былъ шестой часъ вечера, когда повозка съ осужденной выѣхала изъ тюремнаго двора. Громадная толпа народа, ожидавшая ея появленія, привѣтствовала ее бѣшенымъ ревомъ, среди котораго пронзительно звучали проклятія и брань такъ называемыхъ фурій гильотины[1]). И въ эту самую минуту страшная гроза внезапно разразилась надъ Парижемъ; казалось, сама природа, вмѣшавшись въ разгаръ человѣческихъ страстей, возмущалась и негодовала при видѣ человѣческой злобы, и оплакивала новую жертву гильотины. Яркія молніи, прорѣзывая полутьму нависшихъ тучъ, на мгновеніе освѣщали медленно двигавшуюся повозку. Шарлотта Кордэ ѣхала стоя. Обликъ ея фигуры, высокой и стройной, въ кроваво-красной рубашкѣ, фантастично обрисовывался при сверканіи молній, на темномъ

[1]) Чулочницы или фуріи гильотины представляли собой отбросы женщинъ, которымъ парижская коммуна платила за оскорбленіе жертвъ Революціоннаго Трибунала.

фонѣ, производя впечатлѣніе призрака, неземного видѣнія: такой и сохранилась она въ воспоминаніи всѣхъ, видѣвшихъ ее въ этотъ памятный вечеръ 17 іюля. Особенно поразительно было выраженіе ея прекрасныхъ глазъ, ясныхъ и лучезарныхъ, спокойно взиравшихъ на бушевавшую толпу. «Безсмертіе, — говоритъ одинъ изъ присутствовавшихъ, — сіяло въ ея глазахъ; на лицѣ ея отражалась благородная ясность, спокойствіе добродѣтели и состраданіе къ проклинавшему ее народу».

Между тѣмъ гроза вскорѣ стихла, и вечернее солнце яркимъ пламенемъ озарило медленно двигавшуюся повозку. На пути ея, на углу улицы St. Honoré, уже нѣсколько часовъ стоялъ въ ожиданіи одинъ изъ тѣхъ, на кого геройскій образъ Шарлотты Кордэ произвелъ неизгладимое впечатлѣніе. Это былъ депутатъ изъ города Майнца, Адамъ Люксъ. Онъ прочелъ отвѣты Шарлотты Кордэ на судѣ, былъ ими пораженъ, и съ тѣхъ поръ образъ ея ни на минуту не покидалъ его. Теперь онъ привелъ взглянуть на нее и проводить до гроба. Вотъ какъ онъ передаетъ свое впечатлѣніе при видѣ Шарлотты Кордэ: Прекрасныя очи ея говорили о душѣ столь же нѣжной, сколь мужественной; очи чудныя, способныя растрогать скалы!.. Взоръ ангела, проникшій въ мое сердце и взволновавшій его невѣдомымъ дотолѣ чувствомъ, которое изгладится лишь съ послѣднимъ моимъ вздохомъ». Въ продолженіе двухъ часовъ, съ той минуты, когда Шарлотта покинула тюрьму и до прибытія къ эшафоту, она сохраняла ту же невыразимую кротость и твердость. На всемъ пути ее преслѣдовали шиканье и свистки толпы, недостойной человѣческаго имени. Взглядъ ея, сохранявшій все то же выраженіе, пробѣгалъ эту толпу, какъ бы отыскивая человѣческое существо. И вдругъ, если вѣрить преданію, судьба въ тяжелую минуту послала ей поддержку: среди враждебной, злобной толпы она встрѣтила устремленный на нее взоръ Адама Люкса,—взоръ полный глубокаго сочувствія и благоговѣнія; съ этого мгновенія она уже не чувствовала себя одинокой.

Было около 7 часовъ, когда повозка въѣхала на площадь Революціи. При видѣ эшафота Шарлотта Кордэ слегка вздрогнула, но тотчасъ оправилась; и когда палачъ сдѣлалъ движеніе, чтобы заслонить отъ нея гильотину, она сказала своимъ кроткимъ голосомъ: «Оставьте, я имѣю право быть любопытной: я этого никогда не видала».

Въ современныхъ органахъ прессы встрѣчаются любопытныя оцѣнки поступка Шарлотты Кордэ. Такъ въ газетѣ «Le Dix Décembre» читаемъ 25 марта: «Душѣ ея недостаетъ страсти, какъ поступку ея недостаетъ величія. Осмѣлюсь ли высказать

такою мысль? Поэтъ жирондистовъ сравниваетъ Шарлотту Корде съ Жанной д'Аркъ. Геройство одной, какъ преступленіе другой, на мой взглядъ имѣетъ вполнѣ естественную причину. Но кто признаетъ ее въ нашъ глупо-спиритуалистическій вѣкъ? И авторъ указываетъ на безбрачіе, какъ на причину ненормальнаго состоянія, вызвавшаго непормальные поступки.

«National» отъ 25 марта пишетъ: «Главный недостатокъ пьесы: стремясь сохранить историческую достовѣрность, которой зритель не особенно бы повредила, поэтъ принесъ въ жертву самый могущественный трагическій элементъ,—двигатель, который въ позапрошлыхъ временъ оправдываетъ самыя крайнія, отчаянныя рѣшенія. Если бы Шарлотта дѣйствительно любила Барбару, если бы цѣль ея состояла въ томъ, чтобы спасти его, устранивъ врага своего любовника, интересъ удвоился бы. Вмѣсто того она старается закрыть свое сердце любви. Она отрицаетъ ее, поэтому въ драмѣ такъ же, какъ въ исторіи, мотивы, побудившіе ее къ убійству Марата, остаются неясными» [1]).

Вотъ какъ современная газета, робкая и боязливая, какъ почти всѣ органы печати въ эпоху тиранніи, описываетъ казнь Шарлотты Кордэ: «Шарлотта Кордэ, обладавшая всѣми дарами природы, подвергалась участи преступниковъ. Ея хладнокровіе въ послѣднія минуты, быть-можетъ, еще болѣе, чѣмъ преступленіе ея, увѣковѣчитъ ея имя въ потомствѣ. Она сама положила голову подъ плаху. Кругомъ царило глубокое молчаніе. Палачъ, поднявъ отрубленную голову и показывая ее народу, ударилъ ее рукой. Въ отвѣтъ раздался почти единогласный ропотъ народа: «Законъ наказуетъ, но не мститъ!» Затѣмъ раздались клики: «Да здравствуетъ нація, да здравствуетъ республика!» И всѣ разошлись подъ впечатлѣніемъ страшнаго преступленія Шарлотты Кордэ, а также ея мужества и красоты» [2]).

[1]) Charlotte Corday et les Girondins, par M. Charles Vatal, d. 1-e.

[2]) Chronique de Paris. 19 juillet 1793. Шарлотта Кордэ была похоронена на кладбищѣ Мадлэнъ. Въ 1815 г. останки ея были перенесены на кладбище Монпарнасъ. Пѣть тридцать спустя по смерти Шарлотты Кордэ, одинъ ея почитатель, г. X., отправился въ Каннъ, чтобы на мѣстѣ собрать о ней свѣдѣнія. Увы! — За исключеніемъ знавшаго ее старца-священника, память о ней угасла, и самое имя ея было предано забвенію. Напрасно обращался путешественникъ ко всѣмъ встрѣчнымъ съ просьбой указать домъ, гдѣ жила Шарлотта Кордэ. «Дама та неизвѣстна мнѣ, — отвѣчали ему. — Обратитесь въ почтовую контору». — «Равнодушіе это,—пишетъ г. X.,—раздираетъ мнѣ душу. Люди

V.

Образъ Шарлотты Кордэ въ литературѣ.—Трагедія Солля и отношеніе къ Шарлоттѣ Кордэ жирондистовъ.—Заключеніе

Въ стихотвореніи нѣмецкаго поэта [1]) въ память Шарлотты Кордэ - встрѣчается діалогъ, отражающій взглядъ автора на ея поступокъ. Мѣсто дѣйствія—на кладбищѣ, гдѣ похоронена Шарлотта Кордэ. «Чья это могила?» спрашиваетъ поэтъ. «Могила Шарлотты Кордэ», отвѣчаетъ изъ нѣдръ ея замогильный голосъ. «Я сорву цвѣты,—говоритъ поэтъ,—и разсыплю ихъ надъ ея прахомъ,—она умерла за отечество». — «Не надо цвѣтовъ». — «Я возьму плакучую иву и посажу ее на ея могилѣ,— она умерла за отечество». — «Нѣтъ, не надо ни цвѣтовъ ни плакучей ивы... Но плачьте, плачьте кровавыми слезами, ибо она напрасно умерла за отечество...»

То же сознаніе понапрасну принесенной жертвы мы встрѣчаемъ и у современниковъ Шарлотты Кордэ,—какъ разъ у тѣхъ, кого она мечтала спасти. Узнавъ объ ея смерти, Верньо воскликнулъ въ своей тюрьмѣ: «Она насъ убиваетъ, но въ то же время показываетъ намъ, какъ надо умирать! [2]).

«Женщина изумительная, сообразовавшаяся лишь съ своимъ мужествомъ,—говоритъ въ своихъ мемуарахъ г-жа Ролянъ,— казнила апостола убійства и грабежа: она заслуживаетъ восхищенія всего міра. Но, не зная положенія вещей, она плохо выбрала время и жертву... Смерть Марата лишь сослужила службу его послѣдователямъ; они превратили своего названнаго пророка въ мученика». На слѣдующій день послѣ убійства Марата Робеспьеръ сказалъ нѣсколькимъ членамъ Конвента: «Маратъ надѣлалъ много глупостей, пора было ему умереть» [3]).

«Повѣрьте,—говорилъ Бюзо,—убійство Марата послужило на пользу Робеспьера, Барэра, Дантона, освободившихся отъ соперника, если не опаснаго, то очень непріятнаго для ихъ лич-

---

террора были справедливѣе къ этой женщинѣ: они хотѣли разрушить ея домъ, посыпать почву солью, и на пустомъ пространствѣ вбить столбъ съ надписью: «Здѣсь былъ домъ Шарлотты Кордэ».

[1]) Клопштока.

[2]) Henri de Monteyremas «Charlotte Corday». Étude historique 1862.

[3]) «Charlotte Corday et les Girondins», par M. Charles Vatel, t. II.

ная честолюбія». — «Я утверждаю, — говоритъ въ своихъ мемуарахъ Лувэ,—что никогда она (Шарлотта Кордэ) ни слова не сказала кому-либо изъ насъ о своемъ намѣреніи. И если бъ можно было совѣтовать подобные поступки, неужели мы противъ Марата направили бы ея удары? Развѣ мы не знали, что, снѣдаемый страшной болѣзнью, онъ доживалъ въ то время свои послѣдніе дни?..» Но, оплакивая напрасную жертву Шарлотты Кордэ, Лувэ въ то же время преклоняется предъ ея нравственной силой и, восхищаясь предсмертнымъ письмомъ ея къ Барбару, онъ восклицаетъ: «О, мой дорогой Барбару! Въ судьбѣ твоей, столь завидной въ ея цѣломъ, я всегда лишь тому завидовалъ, что имя твое связано съ этимъ письмомъ... По крайней мѣрѣ, на допросѣ она произнесла и мое имя. Итакъ, я получилъ награду... За всѣ мои жертвы и огорченія... Да, что бы ни случилось, я получилъ свою награду. Шарлотта Кордэ назвала меня... я не умру!»

Итакъ, представители Жиронды первые осудили геройскій поступокъ Шарлотты Кордэ. Но, осудивъ его съ политической точки зрѣнія, они оцѣнили руководившіе имъ мотивы. Ни одинъ не заподозрѣлъ ихъ чистоту и безкорыстіе; ни одинъ не придалъ ея поступку личной окраски, связавъ убійство Марата съ романическими побужденіями,—мести изъ-за любви къ одной изъ жертвъ Марата: ни одинъ не хотѣлъ допустить, чтобы тѣнь пошлости легла на строго-цѣломудренныя, благородныя черты Шарлотты Кордэ. Это бережное отношеніе къ ея посмертной доброй славѣ особенно ярко выразилось, когда имя ея стало достояніемъ литературы. Промелькнувъ какъ метеоръ, на сценѣ исторіи, Шарлотта Кордэ не скоро исчезла изъ воспоминаній современниковъ и потомства: образъ ея невольно приковывалъ вниманіе тѣхъ и другихъ. Поэты, беллетристы, историки—всѣ, со смѣшаннымъ чувствомъ любопытства удивленія и восторга, останавливали на ней болѣе или менѣе внимательный взоръ. Особенно влекло къ ней драматурговъ: стоическій характеръ, геройскій поступокъ, ранняя трагическая смерть—какой богатый матеріалъ для драмы. Одна изъ лучшихъ пьесъ, героиней которыхъ является Шарлотта Кордэ, написана г-жой Калэ: «Charlotta Corday, Tableau dramatiques».

Другая, лучшая изъ всѣхъ, трагедія «Charlotte Corday, Tragedie en 5 actes», принадлежащая Франсуа Понсару, была впервые поставлена въ Théatre de la Republique (Théatre Français) 23 марта 1850 года. Литературный комитетъ сначала отнесся къ ней неблагосклонно,—не потому, чтобы достоинства пьесы находили спорными, но ее сочли несвоевременной, опас-

ной по политическимъ причинамъ, было высказано пожеланіе, чтобы авторъ выбралъ болѣе благопріятный моментъ... Сколько другихъ ждали по десять лѣтъ и долѣе?.. Понсаръ не хотѣлъ съ этимъ согласиться и настаивалъ. Пьеса была принята большинствомъ одного голоса, —такъ холодно, что это походило на отказъ. Рашель, подъ вліяніемъ этого ледянаго пріема, отказалась отъ (написанной для нея) роли Шарлотты Корде. Пріступили къ вторичному чтенію. Вопросъ былъ перенесенъ въ ареопагъ министровъ и, чтобъ обезоружать цензуру, представленію пьесы придали характеръ литературнаго праздника. Многочисленное собраніе изъ высшихъ администраторовъ, представителей, членовъ академіи, было созвано у Барро, министра внутреннихъ дѣлъ. Понсаръ прочелъ свою трагедію и получилъ одобреніе аудиторіи. По свидѣтельству современнаго писателя, пьесу признали произведеніемъ искусства и поэзіи... По другому свидѣтельству, высказанное одобреніе было гораздо менѣе лестно и искренно: пьеса якобы была спасена съ политической точки зрѣнія, лишь благодаря причиненной ею скуки. «Зачѣмъ толковать о запрещеніи, — воскликнулъ будто бы одинъ изъ высшихъ судей Парижа, — вѣдь то, что скучно, никогда не бываетъ опасно!..»

Первое представленіе было объявлено на 23 марта 1850 года. Стеченіе публики было громадное... Власти приняли много предосторожностей и, если вѣрить фельетонистамъ, —при входѣ въ Théâtre Français зрители могли думать, что они попали въ префектуру полиціи... Одна газета разсказываетъ даже, что три репортера были задержаны у входа. Три первыхъ акта прошли съ посредственнымъ успѣхомъ; четвертый произвелъ громадное впечатлѣніе, такъ что Понсара сравнивали съ Корнелемъ. Пятый актъ прошелъ блѣдненько, и отъ всей пьесы осталось неопредѣленное впечатлѣніе [1]).

И въ теченіе съ небольшимъ полувѣка появляются драмы, вращающіяся вокругъ личности Шарлотты Корде [2]). Вскорѣ послѣ ея казни, одинъ изъ тѣхъ, чье имя стояло въ роковомъ спискѣ жертвъ, рѣшившемъ участь Марата, —первый задумалъ увѣковѣчить ее въ драматическомъ произведеніи. Это былъ извѣстный жирондистъ Салль. Во второй половинѣ 1793 года онъ и его товарищи по изгнанію принуждены были долгое время скрываться

[1]) «Charlotte Corde et les Girondins», par M. Charles Vatel. T. 1.
[2]) Къ числу замышлявшихъ писать о ней драму принадлежитъ между прочимъ Шиллеръ.

отъ преслѣдованій своихъ политическихъ враговъ. Около мѣсяца они прожили въ окрестностяхъ Сентъ Эмильона, въ мрачномъ подземельи, куда едва проникалъ воздухъ; затѣмъ на чердакѣ, въ домѣ Гадэ-отца. Въ этихъ-то обстоятельствахъ и въ этой мрачной обстановкѣ Салль и написалъ большую—лучшую часть своей драмы. Мы не будемъ останавливаться на достоинствахъ и недостаткахъ этого литературнаго произведенія, мало выдающагося, хотя и блиставшаго красивыми стихами; для насъ интересно при этомъ лишь отношеніе къ нему жирондистовъ. Но сохранившимся даннымъ, всѣ товарищи Салля съ глубокимъ вниманіемъ отнеслись къ его замыслу и обсуждали его въ своемъ [illegible] такъ же свободно и всесторонне, какъ если бы [illegible] собрались въ салонѣ г-жи Ролланъ, — ревниво оберегая при этомъ свое представленіе о Шарлоттѣ Кордэ. Вотъ какъ высказывается по этому поводу Барбару: «Меня трудно удовлетворить, — говоритъ онъ, обращаясь къ Саллю, — потому что дѣло идетъ о Шарлоттѣ Кордэ. Я бы хотѣлъ, чтобы, доставъ газету «Монитёръ», гдѣ точно воспроизведенъ ея допросъ и письмо ея ко мнѣ, ты не позабылъ бы ни одной изъ тѣхъ чертъ, которыя характеризуютъ ея великую душу. Паденіе нашихъ преслѣдователей не далеко, и пьеса можетъ быть представлена на нашихъ театрахъ. Сдѣлай такъ, чтобъ она была достойна нашихъ учителей... Каждое слово, которое ты вкладываешь ей въ уста, должно быть одинаково правдиво и достойно ея».

«Не надо умножать числа дѣйствующихъ лицъ, — замѣчаетъ Бюзо. — Интересъ раздѣлился бы; а въ пьесѣ ничего не должно быть великаго и прекраснаго, кромѣ самой Шарлотты Кордэ. Особенно не надо любви въ такомъ произведеніи. Любовь мелка, она отняла бы часть ея красотъ; неумѣстность ея бросается въ глаза». Эти замѣтки, такъ же какъ многія другія въ письмахъ и мемуарахъ, свидѣтельствуютъ, какъ тонко поняли и оцѣнили Шарлотту Кордэ лучшіе представители Жиронды. И это весьма понятно: при общности нравственныхъ стимуловъ они были созданы, чтобы понять другъ друга. Не та ли же причина побудила и Шарлотту Кордэ связать свою судьбу съ Жирондой? Это были родственныя ей души, — мечтатели-идеалисты, которыхъ принято называть «не отъ міра сего». Всѣ они мыслью витали въ древнемъ мірѣ, мечтой—въ далекомъ будущемъ. Всѣ прошли черезъ тѣ же стадіи духовной эволюціи. Въ юности—увлеченіе древними республиками въ изображеніи Плутарха и Тацита; въ молодости — мечта о водвореніи на землѣ золотого вѣка, — мечта, быстро смѣнившаяся горькимъ разочарованіемъ

въ современномъ мірѣ. Эти идеалисты съ пылкой фантазіей и пламенной душой менѣе всего чувствовали связь съ окружающей ихъ дѣйствительностью и менѣе всего созданы были для борьбы съ нею. «Мы хотѣли, — говоритъ одинъ изъ нихъ, — чтобы возстаніе за свободу было величественно, какъ сама свобода, священна, какъ права, которыя она должна была обезпечить, и достойно служить примѣромъ всѣмъ народамъ, которые чтобы разбить свои оковы, должны лишь показаться передъ своими тиранами [1]). Сталкиваясь съ грубой реальностью, эти аристократы по духу испытывали чувство брезгливости и отвращенія. И чувство это прежде всего проявилось въ отношеніи къ народу, въ которомъ они еще такъ недавно видѣли залогъ всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей, которому они стремились отдать всю свою жизнь.

И вотъ прошло нѣсколько лѣтъ, потокъ историческихъ событій выбросилъ на арену революціи дремавшія народныя массы. «Народъ» воплотился въ конкретные образы: это были герои сентябрьскихъ убійствъ, дикія орды, повиновавшіяся лишь голосу льстившихъ ему трибуновъ, чинившія варварскій судъ и расправу, требовавшія лишь «хлѣба и зрѣлищъ». Что было общаго между этимъ современнымъ народомъ, съ полудикими инстинктами, стихійно мѣнявшимъ свои симпатіи и ненависти, и тѣмъ античнымъ міромъ, который въ представленіи жирондистовъ воплощался въ герояхъ Плутарха? И слѣдствіемъ примѣрки древнихъ идеаловъ гражданской доблести къ современному конкретному народу и его вожакамъ, — явилось горькое разочарованіе. «Немного, — говорила Шарлотта Кордэ, — найдете истинныхъ патріотовъ, готовыхъ умереть за отечество; почти все эгоизмъ. Какой печальный народъ для созданія республики!» И въ другомъ мѣстѣ: «Вы знаете народъ, его мѣняютъ въ одинъ день; отъ ненависти легко переходитъ онъ къ любви». «Ясно, — писалъ Лувэ, — что всякая аггрегація людей, которую такіе безумцы, какъ я, высокопарно называютъ *народомъ*, — въ дѣйствительности лишь глупое стадо, величайшее счастье котораго въ томъ, чтобы ползать у ногъ повелителя. И не все ли равно, кто этотъ повелитель — Робеспьеръ, Маратъ или Неронъ, Калигула или Шалье, Геберъ или Питтъ, Картушъ или Александръ?»

Такимъ минорнымъ аккордомъ заканчивается лебединая пѣснь этихъ великихъ мечтателей. Глубокаго трагизма исполненъ финальный актъ ихъ жизненной драмы. Въ изгнаніи, покинутые

[1]) Mémoires de Barbaroux.

друзьями и народомъ, такъ недавно восторженно привѣтствовавшимъ ихъ, преслѣдуемые по пятамъ врагами, — они, какъ травленые звѣри, отчаянно борются за право жизни: не ради себя, но ради истины и справедливости. Послѣдніе дни ихъ жизни — медленная, мучительная агонія: конечной ея развязкой является смерть.

Такъ кончила свою карьеру партія Жиронды. Насколько блестящъ дебютъ ея, настолько печаленъ финальный актъ. Но, быть-можетъ, въ этой развязкѣ болѣе величія, чѣмъ въ торжествѣ ихъ враговъ. «Отъ жирондистовъ,—говоритъ извѣстный французскій историкъ [1]),—остались лишь проекты, великія мысли и прекрасныя рѣчи. Но горе поколѣніямъ, которыя въ наслѣдіи отцовъ и дѣдовъ воспринимаютъ лишь одни матеріальныя богатства и положительные результаты».

[1]) Lanfrey Essaisur Les Révolution Française.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОТЕКА.

Алексѣевъ, В.
Земскіе соборы и народное представительство. Ц. 7 к.

Вѣтринскій, Ч.
Гуманистъ сороковыхъ годовъ (Т. Н. Грановскій). Ц. 15 к.

Гольцева, Н. А.
Женское движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ. Ц. 7 к.

Делевскій, Ю.
Поэзія и проза французской политической жизни. Ц. 10 к.

Дживелеговъ, А. К.
Ростъ представительныхъ учрежденій на Западѣ. Ц. 10 к.

Довнаръ-Запольскій, М. В.
Реформа общеобразовательной школы при императрицѣ Екатеринѣ II. Ц. 15 к.

Его же.
Зарожденіе министерствъ въ Россіи. Ц. 25 к.

Его же.
Историческій процессъ русскаго народа въ русской исторической наукѣ. Ц. 10 к.

Довнаръ-Запольскій, М. В.
Страница изъ исторіи крѣпостного права въ XVIII—XIX вв. Ц. 20 к.

Его же.
Политическіе идеалы М. М. Сперанскаго. Ц. 20 к.

Лунцъ, М.
Фабрикантъ и рабочій. Двѣ жизни. Ц. 10 к.

Милль, Д. С.
Избирательныя права женщинъ. Переводъ Н. Мировичъ. Ц. 10 к.

Мировичъ, Н.
Очерки изъ истор. велик. франц. революц.
Камиллъ Дэмуленъ. Ц. 15 к.
Шарлотта Кордэ. Ц. 10 к.
Сенъ-Жюстъ. Ц. 10 к.

Новикъ, И. Д.
Московскіе земскіе соборы. Ц. 15 к.
Освободитель Швейцаріи Вильгельмъ Телль. (По Шиллеру.) Ц. 10 к.

Новыя книги:

Врачъ Виноградова-Лунирская, М. И.
Бесѣда о холерѣ. Ц. 7 к.

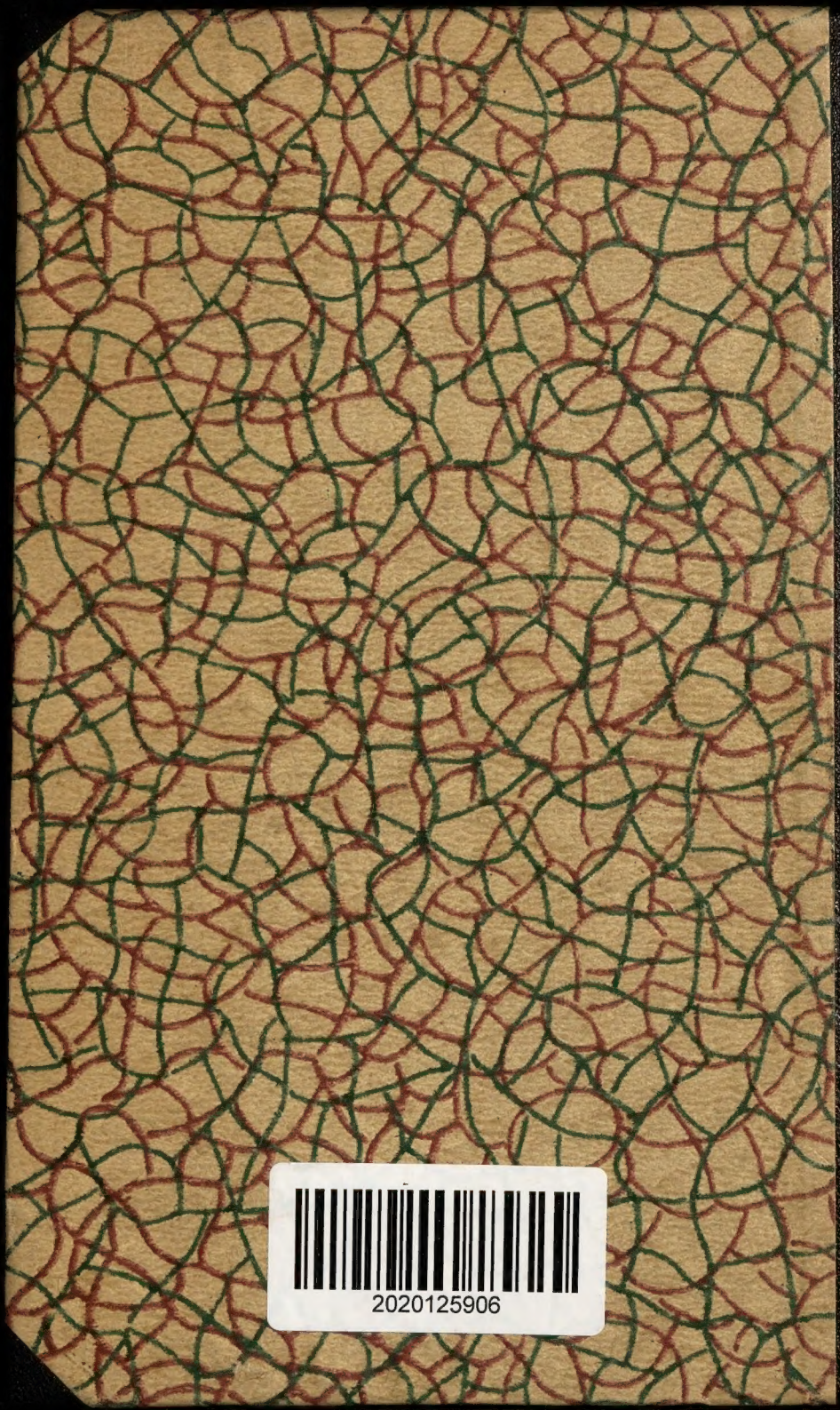
Крюковъ, Н. А.
Праздники древонасажденія, какъ ихъ устраивать и какъ заводить посадку. Ц. 15 к.

Крюковъ, Н. А.
Чѣмъ живетъ и на чемъ зиждется сельское хозяйство. Ц. 15 к.

Тищенко, Ѳ.
Люди темные. Быль, разсказанная крестьяниномъ. Ц. 10 к.

Книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина

въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону, Екатеринбургѣ, Воронежѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Иркутскѣ и на Нижегородской ярмаркѣ.


2020125906